

Глава третья.

Торгово-промышленный кризисъ восьмидесятыхъ годовъ 19-го вѣка. — Польская конкуренція: Лодзь, Сосновицы. — Жалобы московскихъ промышленниковъ. — Назначеніе Коммиссіи для изслѣдованія фабрикъ Царства Польскаго и шансовъ конкуренціи. — Программа изслѣдованія. — Сосновицы и ихъ фабрики. — Калишъ. — Лодзь. — Варшава. — Русское чиновничество въ Привислянскомъ краѣ и поляки. — Наши впечатлѣнія. — Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. — Отчетъ по изслѣдованію Польской промышленности и сравненіе ея условій съ Московскими фабриками. — *Выводы.* — Вопросъ о Польской автономіи.

Какъ извѣстно, восьмидесятыя годы прошлаго вѣка отмѣчены въ Россіи сильнымъ и продолжительнымъ промышленнымъ кризисомъ и застоємъ. Довольно значительная часть фабричныхъ произведеній не находила сбыта, и фабриканты вынуждены были ограничивать производство. Въ 1882 году, годъ вступленія моего въ инспекцію, кризисъ уже чувствовался сильно въ Московской губерніи: далеко не всѣ фабрики работали съ полнымъ числомъ рабочихъ и многія даже отпускали большую часть. Какъ видно изъ данныхъ моего перваго инспекторскаго отчета, нѣсколько крупныхъ фабрикъ или пріостановили работу, или даже совсѣмъ закрылись и я, пріѣхавши на фабрику, находилъ ее мертвѣко въ бездѣйствіи; другія заведенія, прежде работавшія день и ночь, перешли исключительно къ дневной работѣ. Само собою разумѣется, что такіе моменты, когда царитъ продолжительная заминка въ промышленныхъ дѣлахъ, какъ показываетъ и опытъ Западной Европы, являются наиболѣе благоприятными для введенія всякаго рода ограниченій и особенно труда малолѣтнихъ. Всякій промышленный застой

подразумѣваетъ, конечно, усиленное предложеніе рабочихъ рукъ, такъ какъ ихъ много остается за штатомъ, а слѣдовательно, рабочей трудъ въ такое время дешевъ, и фабрикантъ, не желая подчиниться новому стѣснительному для него закону, всегда можетъ найти благопріятный для него исходъ, напр. замѣнить дѣтей подростками, подростковъ — женщинами, почти безъ всякаго для себя ущерба.

Такимъ образомъ, время для установленія у насъ перваго закона о работѣ малолѣтнихъ было выбрано несомнѣнно весьма удачно и, при нѣкоторой настойчивости и послѣдовательности, законъ этотъ сравнительно легко былъ бы примѣненъ къ практикѣ. Въ то же время, однако, сильно волновалъ и интересовалъ общество и весь Московскій промышленный районъ вопросъ о быстромъ ходѣ развитія въ Царствѣ Польскомъ и въ особенности въ пограничной полосѣ многочисленныхъ фабрикъ и заводовъ, которые начали быстро тамъ размножаться съ конца семидесятыхъ годовъ (съ 1877 года) — времени быстрого роста нашего таможеннаго тарифа и такого же проведенія желѣзныхъ дорогъ. Польская промышленность давно существовала одновременно съ промышленностью центральныхъ губерній и никогда прежде никакихъ жалобъ русскихъ промышленниковъ не вызывала: если нѣкоторые продукты польской индустріи ввозились въ Имперію и проникали въ ея дальнія окраины, то, въ свою очередь, русскіе товары ввозились въ Польшу и нѣкоторыя наши фабрики (напр. Василія Моргунова сыновья въ Коломенскомъ уѣздѣ) специально работали для экспорта въ Царство Польское. Мало того, русскіе промышленники смѣтрѣли на фабрика въ Царствѣ Польскомъ какъ въ нѣкоторомъ родѣ на своихъ учителей, у которыхъ можно многимъ для пользы дѣла позаимствоваться. Въ этомъ родѣ именно мнѣ пришлось, напр., не разъ слышать отъ нашего почтеннаго промышленника (нынѣ давно умершаго) Ивана Захаревича Морозова — основателя Богородско-Глуховской Мануфактуры — поучительные рассказы о посѣщеніи имъ Лодзинскихъ фабрикъ. Нѣтъ сомнѣнія, продолжительный и тяжкій фабричный кризисъ сдѣлалъ русскихъ фабрикантовъ болѣе нервными и чувствительными въ отношеніи вопроса о конкуренціи.

Сверхъ того всё въ глаза бросалась нелѣпность и невыгодность для существенныхъ интересовъ Россіи возникновенія иностранныхъ фабрикъ съ иностраннымъ трудомъ на пограничной полосѣ съ тѣмъ, чтобы обойти увеличенныя ставки русскаго тарифа на иностранныя издѣлія. Въ результатѣ такого порядка иностранный продуктъ избѣгаетъ значительной части таможеннаго налога и иностранный производитель выигрываетъ въ свою пользу всю разницу между возвышенной цѣной продукта и той, которую онъ могъ бы взять на свободномъ рынкѣ. Въ свою очередь русскій производитель въ предѣлахъ Имперіи, благодаря такому переселенію чужой промышленности встрѣчаетъ дома ту же иностранную конкуренцію, отъ которой предпологалъ защищаться высокимъ тарифомъ, а съ другой стороны русскій потребитель при этомъ или ничего не выигрываетъ, или выигрываетъ слишкомъ мало сравнительно съ приносимыми всёю русскимъ народомъ жертвами *).

Толки неудовольствія противъ конкуренціи польскихъ фабрикъ начали раздаваться особенно сильно въ 1886 году, — послѣ появленія въ свѣтъ сенсационной брошюры г. Сергѣя Шарапова о Лодзи и Сосновицахъ — плодъ его командировки Московскими купцами въ Польшу специально для изслѣдованія этого вопроса въ 1885 году. На эту же тему онъ прочелъ лекцію, и то, и другое имѣло значительный успѣхъ въ заинтересованныхъ кругахъ. Бойко написанное и прочтенное произведеніе г. Шарапова отличалось тѣмъ стараніемъ, о которомъ говоритъ нѣмецкая поговорка: «schwarz in schwarz malen»: односторонне преувеличивая опасность польской конкуренціи, г. Шараповъ, разумѣется, долженъ былъ умалчивать о всемъ томъ, что говорило противъ вкусовъ и интересовъ его наемателей — Московскихъ фабрикантовъ. Въ результатѣ въ Петербургъ полетѣли сначала единоличныя жалобы отдѣльныхъ фабрикантовъ на вредъ польской конкуренціи для русскіихъ интересовъ, а позднѣе поступило цѣлое ходатайство въ

---

*) См. Историческій Очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ Торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 Января 1887 года Ординарнымъ Профессоромъ И. И. Янжуломъ. Москва. 1887 г.

Министерство Финансовъ—обратить вниманіе правительства на этотъ вопросъ и устранить неравные шансы промышленнаго соперничества. Правительство, привыкшее всегда благосклонно относиться къ просьбамъ Московскихъ фабрикантовъ, немедленно, конечно, откликнулось на это ходатайство и рѣшило серьезно имъ заняться. Первоначально необходимо было провѣрить сущность жалобъ о неравномѣрныхъ шансахъ конкуренціи и изслѣдовать ихъ. Еще раньше подачи просьбы Московскими фабрикантами, правительствомъ уже было обращено вниманіе на этотъ фактъ въ перепискѣ, возникшей по этому поводу еще въ 1885 г. между Министерствомъ Финансовъ и Варшавскимъ Генераль-Губернаторомъ. Отъ 27 Іюня 1885 г. Н. Х. Бунге писалъ ему по этому поводу о пограничныхъ фабрикантахъ: „Такія предпріятія, вызванныя покровительственнымъ тарифомъ, не только не способствуютъ успѣхамъ отечественной промышленности, но, оставаясь чужеземными, обращаются ей въ подрывъ и обогащаютъ не страну, въ которой означенныя предпріятія находятся и ея жителей, а лишь заграничныхъ предпринимателей и рабочихъ“... Кроме того, наконецъ, въ это же самое время при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ работала коммиссія по сродному вопросу—о мѣрахъ къ ограниченію иностраннаго землевладѣнія въ Западной Россіи.

Такимъ образомъ почва для удовлетворенія Московскихъ жалобъ на польскую конкуренцію была весьма благоприятно подготовлена, и Министръ Финансовъ, по сношенію съ другими Министрами, рѣшилъ отправить въ Привислянскій край для изслѣдованія поводовъ къ Московской жалобѣ особую Коммиссію или экспедицію изъ лицъ разныхъ специальностей и представителей разныхъ вѣдомствъ: отъ М-ва Финансовъ намѣчены были двое—по экономической части изслѣдованія—я, по технической—Директоръ Технологическаго института Н. П. Ильинъ и, какъ помощникъ къ нему, доцентъ Н. П. Ланговой. Директоръ Д-та Торговли и Мануфактуръ А. Б. Беръ въ началѣ 1886 года, во время одного изъ моихъ частыхъ наѣздовъ въ Петербургъ, спросилъ моего согласія на участіе въ подобной экспедиціи въ принципѣ, а затѣмъ, нѣсколько позднѣе, 14 Апрѣля того же года, прислалъ слѣдующее офи-

ціальное по этому поводу предложеніе: „При послѣднемъ свиданіи я имѣлъ уже случай передать Вамъ о предположеніи моемъ воспользоваться Вашимъ содѣйствіемъ по изслѣдованію настоящаго положенія фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго. Впослѣдствіи, заручившись предварительно Вашимъ согласіемъ, я докладывалъ объ этомъ г. Министру, который, въ свою очередь, совершенно одобрилъ такое мое предположеніе. Теперь пора бы озаботиться ближайшей разработкой плана дѣйствія по означенному изслѣдованію. Хотя Вамъ, конечно, въ общихъ чертахъ извѣстны уже ходатайства Московскихъ фабрикантовъ, вызвавшія самую посылку въ Привислянскій край особой Коммиссіи, но, тѣмъ не менѣе, Вамъ все-таки, по моему мнѣнію, необходимо было бы ознакомиться съ производившеюся въ М-вѣ Финансовъ по упомянутымъ ходатайствамъ перепиской, а также съ трудами особой при М-вѣ Внутреннихъ Дѣлъ Коммиссіи о мѣрахъ къ ограниченію наплыва иностранцевъ въ Россію. Имѣющіяся данныя, какъ они ни скудны, должны послужить основаніемъ для составленія самой программы предстоящаго изслѣдованія. Теперь вопросъ въ томъ, какимъ путемъ намъ условиться относительно работы этой программы. Если Вы желаете, я могъ бы Вамъ выслать все у насъ имѣющееся (хотя это сопряжено было бы съ нѣкоторыми неудобствами) съ тѣмъ, чтобы Вы могли набросать главныя основанія означенной программы и затѣмъ пріѣхать въ Петербургъ, чтобы условиться со мною относительно нѣкоторыхъ деталей. Но, казалось бы, удобнѣе и сподручнѣе всего было бы, если бы Вы могли теперь же пріѣхать сюда на короткое время и здѣсь заняться именно этимъ дѣломъ. Времени на это много не понадобится и я полагаю, что проектъ программы, при личномъ объясненіи по нѣкоторымъ существеннымъ пунктамъ, могъ бы быть окончень въ нѣсколько дней“...

Немедля по полученіи настоящаго письма, я отправился въ Петербургъ и явился къ А. Б. Беру и Министру. Оба меня любезно приняли и познакомили какъ съ предварительной перепиской по данному вопросу, точно также съ двумя другими членами Коммиссіи—Н. П. Ильинымъ, котораго не-

много я зналъ впрочемъ и раньше, и профессоромъ Юссей, который приглашенъ также былъ въ Коммиссію по горному производству, но вскорѣ отъ участія въ ней отказался и впоследствии былъ замѣненъ какимъ-то мнѣ неизвѣстнымъ лицомъ (г. Брусницынымъ). Такъ какъ на мнѣ лежала важнѣйшая часть предпріятія — экономическое изученіе, — то мнѣ и пришлось почти всецѣло составлять программу изслѣдованія. Переговоривши сначала объ опредѣленіи задачъ Коммиссіи (5 задачъ) съ самимъ Министромъ, который сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ моемъ проектѣ, я затѣмъ составилъ въ 12 пунктахъ проектъ самаго изслѣдованія, изъ коихъ по одному пункту (5-му) — по технической сторонѣ фабрично-промышленной производительности — совѣщался съ Н. П. Ильинымъ. Въ два, три дня моя работа надъ программой была окончена и я могъ возвратиться въ Москву для моихъ профессорскихъ и инспекторскихъ обязанностей. Беръ мнѣ сказалъ, что вся процедура Высочайшаго утвержденія Коммиссіи, такъ какъ съ Государемъ Министръ еще заранѣе говорилъ объ этомъ дѣлѣ и, наконецъ, утвержденіе Министромъ программы и насъ, какъ членовъ Коммиссіи, продлится, вѣроятно, не болѣе одного мѣсяца, а, слѣдовательно, къ 1 Мая мы должны уже быть готовы, дабы отправиться въ Польшу для порученнаго намъ дѣла.

Программа изслѣдованія заключала въ себѣ слѣдующія указанія на цѣль и задачи возложеннаго на насъ порученія (они выработаны были подъ непосредственнымъ руководствомъ самого Н. Х. Бунге, какъ на основаніи сущности жалобы Московскаго купечества, такъ и его ранней переписки съ Варшавскимъ Генераль-Губернаторомъ и личныхъ заключеній Министра): „Предпринимаемое, съ Высочайшаго соизволенія, изслѣдованіе настоящаго положенія фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго имѣетъ цѣлью опредѣленіе условій, въ которыхъ находится добывающая (рудники и каменноугольныя копи) и обрабатывающая промышленность въ означенной мѣстности для ближайшаго и всесторонняго выясненія вопроса о томъ: представляютъ ли и какія именно упомянутыя условія преимущества, по сравненію съ условіями, существующими во внутреннихъ губерніяхъ

Россіи и въ особенности въ Московскомъ промышленномъ районѣ. Сообразно сему надлежитъ выяснитъ:

1) Какія именно отрасли промышленности получили наибольшее развитіе въ губерніяхъ Царства Польскаго вообще и преимущественно въ 100-верстномъ отъ пограничной черты разстояніи.

2) Какія мѣстныя естественныя условія способствовали такому развитію тѣхъ или другихъ отраслей промышленности.

3) Какое вліяніе на успѣхи промышленности имѣли: а) участіе личнымъ трудомъ иностранныхъ техниковъ, мастеровыхъ и рабочихъ; б) денежные капиталы, заимствуемые изъ-за границы; в) полученіе изъ-за границы первообразныхъ матеріаловъ и минеральнаго топлива, а также иностранныхъ машинъ и орудій производства.

4) Въ какой мѣрѣ послѣдовавшее съ 1877 года возвышеніе таможеннаго тарифа повліяло на развитіе и какихъ именно отраслей промышленности.

5) Какія мѣры могли бы быть приняты противъ дальнѣйшаго искусственнаго развитія фабрично-заводской промышленности въ губерніяхъ Царства Польскаго и, въ особенности, въ ближайшихъ къ пограничной чертѣ мѣстностяхъ.

На основаніи этихъ установленныхъ задачъ нашего изслѣдованія я составилъ, какъ было выше упомянуто, для насъ, членовъ Коммиссіи программу въ 12 пунктахъ собранія возможно полныхъ свѣдѣній и точныхъ данныхъ о числѣ фабрикъ и заводовъ по каждому роду производства (исключительно въ Завислянской части Царства Польскаго), о владѣльцахъ фабрикъ и заводовъ, о размѣрѣ основного капитала и его происхожденіи, объ издержкахъ производства, о размѣрѣ производительности, о фабричныхъ рабочихъ и служащихъ (и всѣхъ важнѣйшихъ условіяхъ ихъ быта), о степени прибыльности фабрикъ, о кредитѣ, о способѣ и стоимости приобрѣтенія и доставки всего необходимаго для производства, а также и для продовольствія, объ организаціи сбыта и его районахъ, о вліяніи желѣзнодорожныхъ тарифовъ на сбытъ, сравнительно съ Московскимъ райономъ

и, наконецъ, о размѣрахъ обложенія и о накладныхъ расходахъ. Такъ какъ всѣ эти разнообразныя свѣдѣнія естественно вызываютъ необходимость продолжительнаго времени на ихъ собраніе и прямо даже на ихъ заготовку, тѣмъ болѣе, что конторы многихъ польскихъ фабрикъ находились за границей, то на этомъ основаніи я переработалъ означенную программу для большей ясности и наглядности въ 26 „Вопросныхъ пунктовъ для г.г. фабрикантовъ“ и перевелъ ихъ на нѣмецкій языкъ, какъ наиболѣе распространенный въ Польшѣ на фабрикахъ („Fragerpunkte für die Fabrikherren“). Эти вопросные пункты были отпечатаны Департаментомъ (хотя сильно запоздали), но еще раньше гектографированы въ Сосновицахъ и разосланы по всѣмъ Польскимъ фабрикамъ до времени нашего ихъ посѣщенія.

Согласно предложеніямъ и указаніямъ А. Б. Бера, я принялъ всѣ мѣры, чтобы приготовиться до 1 Мая къ поѣздкѣ на все лѣто въ Царство Польское; между прочимъ мнѣ пришлось мои университетскіе экзамены въ Маѣ мѣсяцѣ поручить моему товарищу А. И. Чупрову, который любезно взялся за меня исполнить эту обязанность, въ виду моего отъѣзда. Мои инспекторскія обязанности были переданы также съ 1 Мая моему товарищу д-ру Рахманову вмѣстѣ со всѣми входящими и исходящими книгами и документами, а въ то же время фабриканты и рабочіе были оповѣщены, по возможности, черезъ газетныя объявленія, къ кому и куда должны обращаться во время моего продолжительнаго отсутствія. Однимъ словомъ, все было готово къ 1 Мая, кромѣ, какъ оказалось, самой Польской Коммиссіи и условій ея существованія и разрѣшенія дѣйствовать по нашей программѣ!! Сама Коммиссія получила Высочайшее соизволеніе или была разрѣшена только 13 Іюня, вмѣсто 1 Мая, и во второй лишь половинѣ Іюня, т. е. на полтора мѣсяца позже противъ предположеннаго срока, члены Коммиссіи, снабженные все еще (по неизвѣстной причинѣ) неутвержденной программой изслѣдованія, отбыли на мѣсто въ Царство Польское *).

*) Здѣсь замѣчательный образецъ канцелярской волокиты: Программа, лично одобренная и исправленная рукой самого министра въ Апрѣлѣ мѣ-

Можно себя вообразить неприятное положение, въ которомъ я очутился, освободивши себя отъ всякаго дѣла и вовсе не привыкши къ этому полнѣйшему бездѣлю. Недѣля проходила за недѣлей и я тщетно бомбардировалъ Петербургъ письмами и запросами., пытался явиться въ Университетъ или къ Рахманову, но тамъ мое положеніе было весьма неловко, потому что я считался въ отпуску и всѣхъ удивлялъ своимъ появленіемъ. Михайловскій утѣшалъ меня частыми письмами, предсказывая скорое окончаніе этой канцелярской канители. Вотъ одно изъ моихъ писемъ къ нему за это неприятное для меня время (отъ 31 Мая 1886 г.):

„Большое спасибо Вамъ за Ваше доброе письмо: выражаясь фигурально, — оно подѣйствовало какъ бальзамъ на мою больную душу. Да, я измученъ и душевно, и физически этими безплодными и нескончаемыми ожиданіями и неопредѣленностью своего положенія.. Ни направо, ни налѣво, а сиди себя сиднемъ, пока начальству угодно!.. Сегодня вернулся изъ Петербурга извѣстный Вамъ А. И. Чупровъ, который по свойственной ему добротѣ, навелъ справки о судьбѣ моей и Польской Коммисіи у самого Алексѣя Борисовича (Бера) и даже своей телеграммой задержалъ мою преждевременную, какъ оказывается, и бесполезную поѣзду въ С.-Петербургъ. Онъ узналъ изъ бесѣды съ Алексѣемъ Борисовичемъ, что задержка Коммисіи вышла изъ-за Министерства Просвѣщенія—пустыхъ и долгихъ справокъ о неимѣннѣйшихъ препятствіяхъ... Едва ли даже будущую пятницу состоится докладъ Государю по этому дѣлу, а скорѣе всего въ слѣдующую, и слѣдовательно, еще двѣ недѣли томительнаго ожиданія. Дѣлать нечего однако: „взявшись за гузъ не говори, что не дюжъ“... буду пока заниматься выработкой подробныхъ вопросныхъ пунктовъ, а затѣмъ съѣзжу съ Вашего дозволенія на недѣлку въ деревню къ родителямъ жены, куда она уѣзжаетъ послѣзавтра. Тамъ уже буду ждать извѣстія отъ Департамента, а если въ теченіе и 2 недѣль

сидѣть, была официально утверждена, какъ на ней значится, лишь 8 Іюля, т. е. когда многія фабрики Царства Польскаго уже были осмотрѣны по этой Программѣ, а экземпляры Программы распространены по всѣмъ фабрикамъ!

его не состоится, то, и не дожидаясь долѣе, прїѣду въ Петербургъ и затѣмъ въ Варшаву“...

Не дождавшись ничего опредѣленнаго относительно окончанія дѣла съ Польской Коммиссіей, я уѣхалъ въ деревню Тверской губерніи къ своимъ родственникамъ и только тамъ получилъ, наконецъ, желанную телеграмму, сообщавшую объ утвержденіи самой Коммиссіи. Немедленно по полученіи этого извѣстія я отправился въ Петербургъ; тамъ видѣлся съ Ильинымъ, Писаревымъ (представителемъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ), горнымъ инженеромъ (фамилію котораго забылъ), назначеннымъ замѣнить проф. Юссу, и мы стоворились къ 20 числу съѣхаться въ Варшавѣ, съ тѣмъ, чтобы, исполнивши тамъ нѣкоторыя формальности, черезъ нѣсколько дней ѣхать вмѣстѣ въ Сосновицы—пограничный пунктъ, гдѣ сама земля большею частью принадлежитъ иностранцамъ и гдѣ иностранная промышленность въ русскихъ предѣлахъ развилась всего сильнѣе и всего болѣе вызывала нареканій.

Я выѣхалъ въ Варшаву немедленно, едва ли не первый изъ членовъ Коммиссіи, такъ какъ мнѣ предстояли еще личныя хлопоты: хотѣлъ заѣхать въ Холмъ (въ Люблинской губ.), гдѣ у меня были родственники. Въ Холмѣ я оставилъ временно у этихъ родственниковъ свою жену—въ виду предполагаемой необходимости кочевой жизни по фабрикамъ, лежащимъ вдоль границы—въ Петроковской и Калишской губерніяхъ. Позднѣе, въ Лодзи, гдѣ предполагалось не менѣе мѣсячнаго пребыванія для изученія фабрикъ, я долженъ былъ съ ней опять съѣхаться и заняться вмѣстѣ разработкой собраннаго на фабрикахъ матеріала.

Вслѣдъ за мной, спустя нѣсколько дней, прїѣхалъ въ Варшаву Н. П. Ильинъ и мы съ нимъ сообщали разные официальные визиты: Генераль-Губернатора Гурко къ сожалѣнію, не могли этотъ разъ видѣть, такъ какъ онъ былъ въ отсутствіи. Въ Канцеляріи его мы узнали все, что для насъ могло быть интересно,—что о назначеніи Коммиссіи и прїѣздѣ нашемъ фабриканты уже увѣдомлены и ждутъ де насъ съ нетерпѣніемъ. Генераль-Губернаторъ прикомандировалъ къ намъ *на помощь* при нашемъ изслѣдованіи

своего молодого чиновника по особымъ порученіямъ графа А. А. Уварова (въ дѣйствительности, никакой пользы намъ графъ Уваровъ не оказывалъ и съ нашей Коммиссіей вовсе не ѣздилъ, а лишь показывался къ намъ два раза въ мѣстахъ нашего изслѣдованія на самое короткое время)*). Черезъ нѣсколько дней собрались и остальные члены Коммиссіи, и мы совмѣстно, сопровождаемые начальствомъ, очевидно по распоряженію изъ Канцеляріи Генераль-Губернатора, съ раннимъ поѣздомъ тронулись въ путь въ Сосновицы, куда и прибыли въ тотъ же день вечеромъ.

Но лучше всего съ нашимъ туда пріѣздомъ я позволю себѣ познакомить читателя на основаніи моего письма, писаннаго на другой день пріѣзда моей женѣ: „Вчера мы пріѣхали въ Сосновицы „in cogroge“, вчетверомъ; по дорогѣ, въ Зомбковице къ намъ присоединился Рогаль-Качура (отъ Таможеннаго Вѣдомства), а въ Домбровѣ—начальникъ уѣзда и губернской механикъ Рюминъ. Въѣздъ въ 10 ч. ночи былъ торжественный: весь вокзалъ былъ запруженъ народомъ и властями, которые большой толпой ожидали насъ на дебаркадерѣ; кромѣ множества разныхъ чиновъ было нѣсколько крупныхъ фабрикантовъ (во фракахъ!!). Долго насъ разрывали на части: таможенные звали къ себѣ, фабриканты—къ себѣ, но мы все съ достоинствомъ отвергли и, по указанію Качуры, устремились въ близлежащую корчму, гдѣ и помѣстились, впрочемъ, довольно удобно; въ корчмѣ насъ тоже ждали и встрѣтили съ десятками свѣчей въ рукахъ и даже съ какими-то канделябрами!! Долго не могли успокоиться отъ посѣтителей: въ сѣняхъ и у крыльца корчмы помѣстились стражники и жандармы охранять наше величіе и, наконецъ, лишь къ 1 ч. ночи все успокоилось и мы заснули. Въ 7 ч. утра сегодня встали, отвергли вновь предложеніе присланныхъ разными фабрикантами изящныхъ экипажей и пѣхтурой, въ сопровожденіи опять-таки цѣлаго синклита, двинулись для начала на шерсто-прядильную фа-

*) Его надо было, рассказывали злые языки въ Варшавѣ, представить въ камеръ-юнкеры и ради де этой цѣли графъ Уваровъ и былъ прикомандированъ къ нашей Коммиссіи.

брику Дителя (1¹/₂ версты отъ границы). Къ обѣду Ильинъ уже окончилъ свою часть осмотра, а Писаревъ (членъ Комиссіи отъ Мин-ва Внутр. Дѣлъ), разумѣется, не понимая ни слова по-нѣмецки, бесполезно потолкался и потомъ куда-то исчезъ; я же свою программу выполнилъ лишь къ 7 ч. вечера и усталый и разбитый, но нѣсколько ободренный духомъ, вернулся домой, т. е. въ корчму. Цѣлый день разговоръ шелъ преимущественно по-нѣмецки... Интересныхъ наблюденій много, но ихъ здѣсь не перескажешь: кажется, съ задачей справлюсь, а это главное, только нельзя ручаться за время... Завтра въ 7 ч.— на стеклянный заводъ и послѣ обѣда на другую прядильню, послѣзавтра—въ каменноугольныя копи подъ землю, ну, а потомъ, для развлечения, объѣздъ пограничной линіи и осмотръ таможенныхъ заставъ и рогаatokъ. Всего здѣсь придется осмотрѣть около 20 фабрикъ. Очевидно одно: у меня задача сложнѣе Ильина въ 10 разъ и я не могу за нимъ поспѣть: онъ объѣгалъ 4 фабрики, пока я сидѣлъ надъ одной“...

Уже первые дни совмѣстныхъ осмотровъ показали все неудобство посѣщенія фабрикъ въ составѣ цѣлой Комиссіи. По различію спеціальности членъ Комиссіи преслѣдовалъ свои цѣли: напр., я, изучая экономическую сторону задачи, преимущественно занятъ былъ въ конторѣ записываніемъ со словъ хозяина или изъ книгъ разнородныхъ экономическихъ свѣдѣній; Н. П. Ильинъ, осматривая въ подробностяхъ машины, изучалъ по разспросамъ техническую сторону производства; И. В. Писаревъ преимущественно осматривалъ паспорта, разспрашивалъ объ иностранцахъ и вообще знакомился съ административной и полицейской стороною возложенной на насъ задачи. Но такъ какъ на большей части фабрикъ имѣлось лишь одно лицо (хозяинъ или замѣняющій его директоръ фабрики) компетентное, чтобы давать отвѣты на разнородные вопросы Комиссіи, то въ то время, когда одинъ изъ членовъ Комиссіи отбиралъ необходимыя для него свѣдѣнія или осматривалъ тѣ учрежденія, которыя представляли для него особенный интересъ, другіе члены должны были бездѣйствовать или почти даромъ терять время. Поэтому, послѣ двухъ, трехъ дней осмотровъ, члены Комиссіи рѣшили

осматривать фабрики отдѣльно, каждый по своей специальной цѣли, придерживаясь, однако, преимущественно осмотра однѣхъ и тѣхъ же фабрикъ; вечеромъ же члены Коммиссіи собирались вмѣстѣ и дѣлились своими наблюденіями и впечатлѣніями, при чемъ Ильинъ, какъ болѣе опытный и знакомый съ промышленностью, составлялъ обыкновенно планъ на слѣдующій день и руководилъ своими указаціями относительно тѣхъ сторонъ вопроса, на которыя желательно особенно обратить вниманіе.

Собственно въ Сосновицахъ и ближайшихъ окрестностяхъ мы осмотрѣли 15 фабрикъ, а затѣмъ начали посѣщать болѣе отдаленныя фабрики, лежащія по Варшавско-Вѣнской дорогѣ или въ сторонѣ отъ нея: такъ съѣздили въ Ченстоховъ, гдѣ посѣтили 5 фабрикъ, осмотрѣли огромный желѣзодѣлательный заводъ „Екатерина“ (Königslaurahütte) и нѣсколько разъ проѣхали вдоль Русской границы по сую сторону въ сопровожденіи таможенной стражи. Такія поѣздки, чтобы ознакомиться съ ближайшими окрестностями фабрикъ и заводовъ, мы совершали въ разныхъ мѣстахъ Царства Польскаго. Мѣстность по границѣ всего Бендинскаго уѣзда съ Пруссіей пустынная и большею частью заросшая лѣсомъ, перерѣзанная множествомъ тропинокъ и очень удобная, по видимому, для водворенія контрабанды, услѣдить которую на огромномъ протяженіи едва ли возможно. Проѣзжія дороги съ русской стороны повсюду были отвратительны и путешествіе совершалось постоянно съ опасностью быть опрокинутымъ: вообще вдоль Русской границы хорошія шоссевыя и желѣзныя дороги отсутствуют, такъ что намъ пришлось, путешествуя по пограничнымъ польскимъ фабрикамъ, благодарить судьбу, что мы запаслись заранее въ Петербургѣ т. н. «посольскими» паспортами для неоднократнаго переѣзда за границу. Обрато съ нами, вся Прусская граница на протяженіи Познани изрѣзана прекрасными шоссевыми и желѣзными дорогами: поэтому многія польскія фабрики на пограничныхъ пунктахъ было несравненно выгоднѣе и быстрѣе посѣтить, сдѣлавши кругъ черезъ Пруссію, чѣмъ ѣхать прямо по Россіи.

Первый такой наѣздъ мы совершили съ Ильинымъ на

Мирковскую писчебумажную фабрику Велюнскаго уѣзда Калишской губерніи. Она лежитъ всего нѣсколько верстъ отъ Прусской желѣзнодорожной станціи «Wilhelmsbrücke»: поэтому мы выѣхали изъ Сосновицъ по дорогѣ въ Бреславль, свернули въ «Кемреп», гдѣ переночевали и утромъ доѣхали до «Wilhelmsbrücke», гдѣ насъ ждалъ экипажъ русской таможи. Мирковская писчебумажная мануфактура возбуждала много толковъ и переписки у Генералъ-Губернатора, а равно и въ М-вѣ Финансовъ. Положеніе этой фабрики считали подозрительнымъ и даже опаснымъ для интересовъ Россіи по многимъ причинамъ. Прежде всего Мирковская фабрика лежитъ на пограничной рѣкѣ Просна, отдѣляющей Россію отъ Пруссіи; между тѣмъ фабрика занимаетъ своими постройками оба берега рѣки: съ русской стороны — ворота фабрики, съ нѣмецкой — калитка, у которой стоитъ постоянно нашъ часовой. Въ самой пограничной Проснѣ происходитъ часть процедуры производства — мытье тряпки и пр. Всѣ рабочіе — изъ за лежащей за стѣною, Прусской деревни, и два раза въ день приходятъ на работу и уходятъ. Съ одной стороны таможенное вѣдомство выражало опасеніе — ни является ли, не смотря на принятые мѣры осторожности, Мирковская фабрика орудіемъ и удобнымъ мѣстомъ сплава контрабанды, съ другой — какой-то жандармскій ротмистръ въ моемъ присутствіи завѣрялъ Ильина въ Сосновицахъ о военной опасности для Россіи Мирковской фабрики, такъ какъ она очень легко, въ случаѣ войны, можетъ быть превращена въ крѣпость, а ея рабочіе — въ нѣмецкихъ ландверистовъ — они всѣ де отлично изучаютъ военное искусство на случай войны!...

Мы съ Ильинымъ тщательно осмотрѣли эту фабрику, выпрашивая въ подробностяхъ рабочихъ и администрацію и провѣряя показанія книгами. Никакой фиктивной якобы работы на этой фабрикѣ не нашли, а по осмотрѣ Ильинымъ механизмовъ и аппаратовъ Мирковская Мануфактура дѣйствительно перерабатывала въ бумагу все то тряпье, которое получала. Осмотръ рабочихъ, два раза въ день входящихъ и выходящихъ, совершался, видимо, съ большою строгостью и не угрожалъ интересамъ русскаго фиска. Напротивъ, надо считать за большую выгоду для Россіи суще-

ствование этой фабрики уже потому, что она доставляет заработок населению Прусской деревни, здѣсь лежащей, ибо иначе крестьяне весьма возможно, не имѣя заработка, могли бы легко и выгодно заняться контрабандой, какъ профессіей. Въ военномъ отношеніи, повидимому, тоже расположеніе фабрики, сравнительно съ другими пунктами вдоль Просны, никакихъ преимуществъ не представляетъ.

Съ Мирковской бумажной фабрики мы опять на лошадяхъ вернулись на желѣзно-дорожную станцію «Wilhelmsbrücke» и по Познанскимъ дорогамъ проѣхали до станціи «Ostrowo», откуда на великолѣпномъ парномъ извозчикѣ отправились въ нашъ городъ Калишъ, лежащій, примѣрно, 18 километровъ отъ Острова. Первые 11 километровъ до Русской границы шоссе отличались своимъ превосходнымъ состояніемъ и прекрасными по обѣ стороны насаженіями сливовыхъ деревьевъ, обремененныхъ какъ разъ фруктами..., едва за семь верстъ до Калиша переѣхали Русскую границу, какъ то же самое шоссе начало давать себя знать бокамъ толчками и выбоинами, и на русскомъ участкѣ (дорога же была проведена когда-то и засажена пруссаками, во времена ихъ владычества этимъ краемъ) половина сливовыхъ деревьевъ была, очевидно, уничтожена, половина существовала въ самомъ жалкомъ видѣ и безъ плодовъ..

Въ Калишѣ я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Ильинымъ и прикомандированнымъ къ намъ губернскимъ техникомъ, г. Карповымъ, двѣ прекрасныя суконныя фабрики (одна въ городѣ, другая въ уѣздѣ) старинныя и вывозившія сукна даже въ Китай. Вторая фабрика Фидлеръ (наслѣдники германскаго подданнаго Нитче) особенно выдавалась своимъ прекраснымъ качествомъ продукта, который Ильинъ очень хвалилъ. Обѣ фабрики, конечно, носили вполне германскій характеръ и хозяева исключительно говорили по-нѣмецки, а равно и всѣ книги велись на томъ же языкѣ. Мнѣ хорошо извѣстны по Московской губерніи нѣсколько прекрасныхъ суконныхъ фабрикъ — Четверикова, Юкиша и др., а такъ какъ въ своихъ жалобахъ Московскіе промышленники особенно налегали на шерстяныя именно фабрики, то я также обратилъ специальное вниманіе на всѣ условія этого производства и, насколько

изъ этого краткаго осмотра можно было заключить, шансы конкуренціи вовсе не говорили въ пользу Калишскихъ фабрикъ. Такъ, топливо тамъ дороже другихъ пунктовъ Царства Польскаго, заработная плата выше Московской и, наконецъ, сырье — шерсть также едва ли не дороже.

Характеристикой Калиша, хотя, впрочемъ, не исключительной, является существованіе въ немъ нѣсколькихъ фабрикъ и ремесленныхъ заведеній, подозрѣваемыхъ въ сбытъ контрабанды, которая производится или точнѣе, прикрывается слѣдующимъ ловкимъ маневромъ: лицо, занимающееся въ большихъ размѣрахъ контрабандой, открываетъ въ предѣлахъ Россіи, но на границѣ, напр. въ томъ же Калишѣ, для вида, фабрику или мастерскую этого товара, напр., прошивокъ, лентъ, тесемокъ, шляпъ, платковъ и т. п. Единовременно съ контрабанднымъ привозомъ этихъ товаровъ изъ-заграницы, фабрика работаетъ и свой подобный товаръ, только въ ничтожномъ количествѣ, а затѣмъ на все ставитъ свои клейма и сбываетъ какъ собственный товаръ, хотя большая часть произведеній -- иностраннаго происхожденія. Поймать и уличить въ контрабандѣ подобное заведеніе чрезвычайно трудно, ибо товаръ его сработанъ, во-первыхъ, по тѣмъ же иностраннымъ образцамъ и рисункамъ и затѣмъ оно запасается заблаговременно небольшими обрѣзками этихъ товаровъ, привезенными черезъ таможеню съ таможенными пломбами, такъ что по всякому роду товара есть на лицо какъ бы свой оправдательный документъ. Въ первый разъ на эти фабрики обратило вниманіе таможенное вѣдомство по слѣдующему поводу: особенно часто сталъ попадаться контрабандный привозъ тѣхъ именно товаровъ, которые въ этой мѣстности выработывались. Естественно, такія фабрики должны были бы страдать и закрываться отъ такой конкуренціи, а онѣ, между тѣмъ, все больше и больше процвѣтали!! Въ Калишѣ я посѣтилъ съ представителемъ Таможеннаго Вѣдомства семь такихъ подозрительныхъ фабрикъ прошивокъ и другого рода; къ сожалѣнію, была Пятница и затѣмъ какіе-то еврейскіе праздники; многія фабрики бездѣйствовали, такъ какъ хозяева и всѣ рабочіе были почти исключительно евреи. Въ Ченстоховѣ я еще разъ видѣлъ 4 подобныхъ фабрики: ленточную, галстуч-

ную, перчаточную, и, конечно, онѣ ничѣмъ не отличались на мой недостаточно опытный глазъ отъ вполне легальныхъ заведеній, но одна изъ нихъ какъ разъ только что попалась въ крупной контрабандѣ и я не знаю, чѣмъ кончилась ея судьба *).

Изъ Калиша Члены Коммиссіи разѣхались въ разные стороны. Мой ближайшій сотоварищъ по осмотрамъ, Н. П. Ильинъ, какъ я упомянулъ раньше, знакомившійся со своею спеціальностью—технической стороной фабрикъ, во много разъ быстрѣе нежели я, дня въ два кончилъ осмотръ и уѣхалъ въ Лодзь, куда также пріѣхалъ нѣсколько позднѣе и Писаревъ; я же отправился за своей женой въ Холмъ Люблинскій и, проведя нѣсколько дней въ Варшавѣ, гдѣ я осмотрѣлъ попутно нѣсколько особенно меня интересовавшихъ заведеній (въ томъ числѣ вышеупомянутыя подозрительныя), 23 Юля прибылъ на продолжительное время для изслѣдованія въ г. Лодзь. Въ Лодзи мы уже не нашли никого изъ членовъ Коммиссіи: Ильинъ и Писаревъ покончили свое дѣло въ одну недѣлю, тогда какъ мнѣ предстояло съ медлительнымъ экономическимъ изслѣдованіемъ пробыть въ этомъ промышленномъ городѣ съ сотнями фабрикъ, по крайней мѣрѣ, около трехъ недѣль, если не долѣе. Изъ газетъ и рассказовъ разныхъ лицъ я узналъ, что во время моего отсутствія Лодзинскіе фабриканты, по инициативѣ Шейблера, чествовали Членовъ Коммиссіи болшимъ обѣдомъ и выражали сожалѣніе, что меня нѣтъ; я же, напротивъ, былъ этому чрезвычайно радъ, такъ какъ принципиально являюсь противникомъ вся-

---

*) Не могу ксгати не прибавить замѣченный мною фактъ, что въ Пруссіи, вдоль Русской границы и въ непосредственной близости отъ нея (иногда въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ нея), я видѣлъ много винокурень, очевидно, умышленно выстроенныхъ такъ близко и невольно возбуждавшихъ подозрѣніе, не для водворенія ли спеціально въ Россію спирта контрабанднымъ способомъ такіе заводы существуютъ? Затѣмъ одинъ разъ, близъ самой Русской границы, въ виду нашего сторожевого поста, а случайно зашелъ въ Прусскую пивную и нашелъ сѣни ея сверху донизу наполненными какими-то странными металлическими какъ бы рѣзцами, съ завинченными отверстиями и ремнями; очевидно, они были предназначены для наполненія жидкостью. Хозяинъ былъ смущенъ и ничего не могъ отвѣтить на мои разспросы, рускій же таможенный чинъ представилъ какое-то нелѣпое объясненіе и всячески старался увлечь меня вонъ изъ харчевни!...

кихъ официальныхъ угощеній и отъ нихъ всегда уклонялся; въ Польшѣ же, гдѣ видимо очень привыкли угощать чиновниковъ, особенно виномъ, я объявлялъ себя всегда абстинентомъ (не пьющимъ) и ничего не позволялъ себѣ пить кромѣ содовой воды, чѣмъ, видимо, вызывалъ недоумѣніе и даже недовольство нѣкоторыхъ фабрикантовъ, которые, подобно почтенному старику по фамилии, кажется, Нитше, стоящему во главѣ суконной фабрики Фидлеръ, въ Калишскомъ уѣздѣ, выдвигалъ цѣлыя батареи рейнвейна для утоленія жажды, въ очень жаркій день, Членовъ Комиссіи!!...

Такимъ образомъ мнѣ предстояло въ первый разъ по прибытіи въ Польшу прекратить кочевую жизнь и работать на одномъ мѣстѣ не только надъ изслѣдованіемъ Лодзинскихъ фабрикъ, но и приступить къ разработкѣ буквально цѣлаго чемодана писаннаго и печатнаго матеріала, собраннаго уже на фабрикахъ и получаемого со всѣхъ сторонъ, въ отвѣтъ на разосланные заранѣе вопросные пункты. Прокопченная, дымная Лодзь съ ея донельзя отравленной, вонючей рѣчкой Лудкой и вытянутой въ одну безконечную улицу (Петровскую) фигурой города, производила на насъ тяжелое, гнетущее впечатлѣніе. Впрочемъ, я не имѣлъ времени скупаться, поглощенный всецѣло осмотрами фабрикъ и безчисленными разговорами и опросами съ ранняго утра до поздняго вечера, но жена моя, которая цѣлый день сидѣла въ номерѣ гостиницы за разборомъ присланнаго съ фабрикъ матеріала— описательнаго и цифрового характера, — занятіемъ, отъ котораго ее впрочемъ часто отрывали разные дѣловые посѣтители— вела, разумѣется, томительное существованіе и молила боговъ поскорѣе убраться изъ постылаго города! Здѣсь же, въ Лодзи, при постоянномъ жительствѣ, мы первый разъ (а потомъ при вторичномъ посѣщеніи Сосновицъ) перезнакомились съ разными представителями русскаго чиновничества и составили себѣ ясное представленіе, какими неудовлетворительными чиновниками Россія наполняетъ свои окраины, существенно вредя связи и объединенію интересовъ послѣднихъ съ остальной Россіей. Для характеристики нашего въ Лодзи житья-бытья и нашихъ совмѣстныхъ взглядовъ на все тамъ имѣвшее мѣсто, позволю себѣ привести нижеслѣ-

дующіе отрывки изъ двухъ современныхъ Лодзинскихъ писемъ моей жены къ ея родителямъ:

„Пробывши 4 дня въ Варшавѣ“, пишетъ она (письмо помѣчено пятницей 24 Іюля 1886 года, г. Лодзь), „вчера мы пріѣхали въ этотъ городъ фабрикъ. Едва успѣли, устроившись въ гостинницѣ, спуститься для обѣда внизъ въ ресторанъ, при нашемъ отелѣ Мантейфеля, какъ явился съ предложеніемъ своихъ услугъ полицеймейстеръ города, а затѣмъ президентъ—нѣчто вродѣ городского головы, такъ что Члену Коммисіи ни минуты нельзя провести частнымъ образомъ. Вчера же, т. е. въ день пріѣзда, мужъ съ здѣшнимъ инспекторомъ вмѣстѣ уже успѣлъ осмотрѣть нѣсколько фабрикъ, а сегодня, вотъ уже третій часъ, я его съ ранняго утра не вижу и каждую минуту жду, чтобы вмѣстѣ обѣдать. Я все утро переписывала нужную бумагу, а теперь вотъ болтаю съ вами... Представьте себѣ такую картину. Сажу за миниатюрнымъ письменнымъ столомъ съ разными ящичками и полочками и макаю перо въ несоразмѣрно напротивъ великую, бѣлую фарфоровую чернильницу. По правую руку отъ меня диванъ и кресла съ тряпочками (т. н. antimacassar) на нихъ, на стѣнѣ картина сантиментальнаго содержанія, однимъ словомъ, обстановка чисто нѣмецкая, не смотря на обширность и, повидимому, роскошь двухъ комнатъ, которыя мы занимаемъ. Если посмотрѣть налѣво, то глазамъ представляется поэтическая картина закоптѣлаго дома съ рѣшеткообразными окнами, за которыми можно разсмотрѣть что-то вѣчно движущееся, вродѣ ткацкихъ станковъ и хлопочущихъ около нихъ женщинъ съ засученными рукавами. Это—одна изъ фабрикъ, которыя мой мужъ сегодня осматриваетъ. Труба этой фабрики, какъ и многихъ десятковъ, кругомъ расположенныхъ, угощаетъ насъ прекрасною угольною копотью, которая „болѣе чѣмъ (въ усиленной степени) неприятно напоминаетъ нѣмецкіе города“... „Никакого тутъ лѣска нѣтъ“, продолжается характеристика Лодзи въ новомъ письмѣ отъ 4-го Августа, „ни въ какомъ я саду не гуляю и Лодзь—не городокъ, а цѣлый городище или точнѣе исполинская фабрика, тѣкъ что откуда ни дуетъ вѣтеръ, всячески приносить только копоть... Приходится

завидовать, когда читаешь ваше письмо из деревни, которого я наконец-то дождалась и которое составило такое приятное разнообразіе между ежедневно поступающими кипами дѣловыхъ писемъ. Впрочемъ терпѣніе! На дняхъ кончаемъ и ѣдемъ отдыхать: представьте, еще не совсѣмъ рѣшили — куда? Во всякомъ случаѣ проживемъ за границей около мѣсяца, а потомъ въ Варшавѣ будемъ додѣлывать дѣло... Посылаю вамъ для увеселенія вырѣзки изъ здѣшней польской газеты («Dziennik Łódzki»), изъ которыхъ вы узнаете ежедневное времяпрепровожденіе вашего зятя — брата — дяди, а моего мужа. Редакторъ этой польской газеты познакомился съ нами и оказался милымъ человѣкомъ, но эксплуатируетъ частную бесѣду для газетныхъ замѣтокъ и, видимо, придавая большое значеніе Коммиссіи, почти въ каждомъ номерѣ старается что-нибудь о ней сообщить. Нѣмецкая же здѣшняя газета («Lodzer Zeitung») игнорируетъ дѣйствія Коммиссіи и я еще ничего не читала въ ней по поводу нашего приѣзда“...

„Кромѣ недостатка воздуха, мы сначала страдали еще отъ плохой пищи здѣсь, пока мѣстный фабричный инспекторъ не предложилъ намъ столоваться у него, и теперь его кухарка — полька кормитъ насъ отличнымъ обѣдомъ, за которымъ у насъ и происходитъ днемъ свиданіе въ квартирѣ инспектора. Послѣдній, къ сожалѣнію, — не совсѣмъ приятный человѣкъ. Вообще, русскіе чиновники въ Польшѣ — изъ захудалыхъ, что очень обидно. Есть здѣсь русскій еще, занимающій важную должность Коммиссара, который очень льнетъ въ наше знакомство, но совсѣмъ, должно быть, нехорошій человѣкъ; приходится, однако, до извѣстной степени быть любезнымъ за оказываемый почетъ. А почета здѣсь столько, что для честолюбиваго человѣка могло бы доставить истинное наслажденіе. Высшія власти приходятъ не знакомиться, а „представляться“, при чемъ прислуга отеля такъ торжественно объ этомъ объявляетъ, что напоминаетъ театральное представленіе... Сегодня мужъ ѣздилъ на цѣлый день въ другой сосѣдній городокъ — смотрѣть фабрики. Вечеромъ мы сидѣли втроемъ съ инспекторомъ и пили чай. Стучать. Я говорю „herein“. Отворяетъ дверь portier гостиницы. На мой вопросъ, что нужно? не вдругъ отвѣчаетъ. Дѣлаетъ

нѣсколько шаговъ на середину комнаты и съ поклономъ провозглашаетъ: „Господинъ Президентъ находятся внизу и просятъ доложить Вашему Превосходительству, не угодно ли Вамъ ихъ принять?“ Это—уже послѣ того, какъ онъ раза два былъ у насъ. Не правда ли, картинно?... А утромъ сегодня другая картина: Ив. Ив. всталъ въ 6 ч. утра, я тоже, пьемъ кофе и онъ собирается уѣзжать. Является по уговору инспекторъ, но предупреждаетъ, что тамъ, за дверью Томашовскій (т. е. изъ города Томашова) и еще другой какой-то податной инспекторъ желаютъ представиться Ив. Ивановичу. Входятъ цѣлыхъ даже три человѣка въ мундирахъ, при шпагахъ, шаркиваются, говорятъ нѣсколько любезныхъ фразъ супругѣ Члена Коммисіи (которая чуть ли не въ ночной кофѣ сидитъ за кофеемъ), предлагаютъ всякія услуги и затѣмъ удаляются почти такъ же церемонно, какъ въ „Ревизорѣ“ Гоголя... Многіе изъ русскихъ, вѣроятно, въ Польшѣ очень скучаютъ (здѣсь это, по крайней мѣрѣ, неизбежно) и можетъ быть искренно желаютъ познакомиться съ свѣжеприбывшимъ человѣкомъ. Другіе имѣютъ свои личные виды или происки и надѣются, что Членъ Коммисіи вспомнить о нихъ въ Петербургѣ и замолвить словечко, гдѣ нужно... Можете себѣ представить, что все это не особенно для души пріятно и, если хотите, только на первыхъ порахъ изъ-за новизны нѣсколько любопытно. Я чуть ли не начинаю силою вещей обращаться въ свѣтскую женщину, потому что нельзя же на крайнюю предупредительность не отвѣтить нѣкоторою любезностью, хотя часто къ человѣку совершенно равнодушенъ, а иногда даже чувствуешь антипатію. Въ послѣднемъ случаѣ особенно приходится изощряться въ способности, называемой тактомъ, чтобы, не оскорбляя человѣка, въ то же время держать его на томъ нравственномъ разстояніи отъ тебя, которое, въ виду его несимпатичности, желательно“...

„Одно не хорошо: Ив. Ив. цѣлый день мучается на фабрикахъ и днемъ всѣ знаютъ, что его нельзя застать дома. Но зато вечеромъ одолаживаютъ и, не смотря на его любовь къ обществу, онъ даже тяготится этимъ. Совсѣмъ распахнутыя не приходится—въ переносномъ смыслѣ я разумѣю, потому что въ буквальномъ онъ это себѣ позволяетъ и

отлично принимаетъ всѣхъ въ той самой суровой жакеткѣ, которую сестра въ Холмѣ спасала съ трудомъ отъ окончательнаго разрушенія. Конечно, приходится и отдавать визиты и поэтому мы почти ни одного вечера не проводимъ вдвоемъ... Завтра на цѣлый день онъ ѣдетъ въ Томашовъ; потомъ въ четвергъ двигаемся изъ Лодзи, заѣзжая по дорогѣ въ фабричные пункты, а къ воскресенью уже надѣемся быть за предѣлами Русской границы и предаться душевному, но не умственному отдыху, ибо думаемъ поселиться гдѣ-нибудь, обработать хотя нѣсколько собранный уже матеріалъ, котораго такъ много, что подъ него предназначается отдѣльный чемоданъ“...

Къ сожалѣнію, чѣмъ долѣе продолжалось наше пребываніе въ Привислянскомъ краѣ, тѣмъ болѣе усиливалось наше непріятное впечатлѣніе (за нѣкоторыми, разумѣется, исключениями) отъ русскихъ чиновниковъ и отъ вреда, который наносится Россіи такими назначеніями. Сплетня составляетъ, очевидно, существенный элементъ жизни русскаго чиновничества на этой окраинѣ — до такой степени, что намъ, жителямъ Москвы, было трудно даже понимать сначала, какъ люди могутъ видѣть въ своихъ товарищахъ по службѣ лишь одно только дурное? Чаше всего мнѣ приходилось, разумѣется, интересоваться въ бесѣдахъ фабричными и таможенными порядками по предмету моего занятія и можно было утвердительно сказать, что въ частной бесѣдѣ такого рода, особенно за чайнымъ столомъ, или стаканомъ вина съ таможеннымъ чиновникомъ, онъ непременно начнетъ раньше или позже рассказывать разныя пикантныя вещи о взяточничествѣ и злоупотребленіяхъ полицейскаго или жандармскаго управленія; наоборотъ, въ бесѣдѣ съ представителемъ послѣдняго — выступаютъ на сцену нескончаемыя сообщенія и увѣренія о самомъ злостномъ попустительствѣ, контрабандѣ, со стороны мѣстнаго финансоваго вѣдомства!... Одинъ жандармскій ротмистръ пограничнаго мѣстечка, напр. предлагалъ мнѣ, если бы, конечно, я рѣшился, за небольшую сумму, воочію убѣдиться въ правильно, будто бы, организованной системѣ контрабандной транспортировки съ вѣдома и, такъ сказать, благословенія чиновъ мѣстнаго таможеннаго

надзора: разумѣется, мнѣ оставалось только качать головой и вздыхать, слушая всѣ подобные разговоры, такъ какъ я вовсе не былъ уполномоченъ бороться, протестовать и вообще выводить на свѣжую воду всѣ чиновничьи злоупотребленія въ Царствѣ Польскомъ, о которыхъ только услышу или узнаю“!!...

Въ связи съ предшествующей темой находится весьма любопытное письмо моей жены, писанное изъ Сосновицъ отъ 9 Сентября 1886 г., т. е. черезъ мѣсяцъ послѣ предыдущаго письма и вслѣдъ за нашимъ кратковременнымъ отдыхомъ за границей въ Salzkammergut'ъ и возвращеніемъ въ Польшу для дополнительныхъ изслѣдованій. „Вчера“, сообщаетъ она своимъ родителямъ, „мы въѣхали опять въ предѣлы отечества и сразу же отъ мирнаго сообщества съ красотами природы погрузились въ море дрязгъ человѣческихъ. Какъ разбойники на большой дорогѣ, или какъ запруженная вода, нашедшая себѣ исходъ въ просторномъ резервуарѣ, на насъ, какъ на свѣжихъ людей набросились или нахлынули съ разказами о здѣшнихъ злоупотребленіяхъ въ чиновничьемъ мірѣ; на меня это дѣйствуетъ такъ тяжело, что я хочу отвести душу, поговорить съ Вами, которые къ счастью у себя въ деревнѣ далеки отъ самыхъ рѣзкихъ, по крайней мѣрѣ, проявленій человѣческой алчности и интриги! Въ Польшѣ собранъ, повидимому, экстрактъ и квинтъ-эссенція, къ сожалѣнію, нашего чиновничьяго куропацства и приходится здѣсь постоянно слышать отъ лицъ въ сторонѣ стоящихъ, что нѣтъ тутъ, будто бы, почти ни одного чиновника, который не былъ бы взяточникомъ!? Можете себѣ представить, въ какое положеніе это ставить русскихъ по отношенію къ полякамъ, которые и такъ проникнуты къ намъ ненавистью. Остается у нихъ одинъ лишь страхъ передъ силою (пока она имѣется на лицо), да надежда подкупить эту силу, которая деморализуетъ весь Край“...

„Мы застали въ Сосновицахъ двухъ лицъ изъ Коммиссіи, которые прожили тутъ долго и, возмущенные здѣшними отношеніями, обрадовались, что могутъ подѣлиться съ нами своими впечатлѣніями; кромѣ того и сами должностныя лица, не удерживаясь, наговариваютъ другъ на друга и такимъ образомъ получается рядъ фактовъ, мнѣ кажется, невозмож-

ныхъ внутри Россіи!?. Сквозь эти дрязги Ив. Ив. впрочемъ узналъ много интересныхъ фактовъ, прямо относящихся до его работы по Коммиссіи, и поэтому отчасти, пожалуй, очень доволенъ, что мы здѣсь опять остановились... Сегодня онъ съ утра уѣхалъ на фабрики по желѣзной дорогѣ и я, вставши позднѣе его, попробовала прогуляться, но по улицамъ отъ сильнаго вѣтра мететь такую пыль, что буквально нельзя ходить. Сосновицы — это совсѣмъ задымленное и законченное селеніе, еще болѣе непривлекательное, чѣмъ г. Лодзь... Сію минуту я была прервана входомъ ко мнѣ въ комнату (надо замѣтить, что насъ помѣстили въ казенномъ зданіи при желѣзной дорогѣ, съ желѣзнодорожнымъ сторожемъ вмѣсто горничной) нѣсколькихъ фабричныхъ рабочихъ, пришедшихъ просить Члена Коммиссіи заступиться за нихъ противъ ихъ хозяина — фабриканта, который, закрывши заводъ, гонитъ ихъ всѣхъ прочь съ квартиры, не отдавая имъ даже ихъ собственныя сбереженія!... Вчера мы слышали отъ здѣшняго жандармскаго офицера, что въ одной изъ улицъ собрались рабочіе и хотятъ убить управляющаго, который отъ нихъ сирятался. При насъ жандармъ отправился на мѣсто беспорядковъ и къ нему присоединился вновь назначенный Членъ Коммиссіи Брусницынъ. Жандармъ для умиренія рабочихъ указалъ на послѣдняго, какъ на представителя Царя, и совѣтовалъ обратиться къ Коммиссіи, которая за нихъ заступится, и вотъ они написали прошеніе на имя Брусницына, но принесли его сюда, такъ какъ квартиру Брусницына не знали, а здѣсь имъ, вѣроятно, было извѣстно, остановился тоже Членъ Коммиссіи. Такииъ образомъ я объяснялась съ ними, какъ могла (они говорили польски) и слышала ихъ жалобы; пообщала имъ, что Члены Коммиссіи могутъ объяснить все дѣло Варшавскому Генераль-Губернатору, хотя сами не имѣютъ власти что-нибудь для нихъ сдѣлать“...

Когда мнѣ предложили въ 1882 году занять постъ фабричнаго инспектора, я мѣрилъ свои нравственныя отношенія къ людямъ тою мѣркою, тѣмъ масштабомъ, который былъ обыченъ въ кружкѣ московскихъ профессоровъ, къ которому я имѣлъ честь принадлежать. Взятничество, подкупность

въ русскомъ обществѣ, хотя, конечно, мы въ Москвѣ и слышали отдѣльные случаи, считались всегда чѣмъ-то омерзительнымъ, отодвинутымъ въ давнопрошедшее дореформенное время: и въ судѣ, намъ особенно близкомъ какъ юристамъ, и въ обществѣ мы привыкли слышать и считать неподкупное служеніе истинѣ, народу и правительству, — какъ необходимыя, безусловныя посылки правильнаго и нормальнаго отношенія къ дѣлу. Особенно строго установились взгляды на обязанности новой служебной дѣятельности — фабрично-инспекторской, которую, какъ непосредственное служеніе народу, склонны были идеализировать и возвышать даже надъ обычнымъ уровнемъ бюрократической нравственности. Такъ было въ Москвѣ, но далеко не такъ оказалось въ Польшѣ...

Понятно отсюда, какъ прискорбно и непріятно было раскрытіе всей той грязи и чиновничьихъ дрызгъ, которыя окружали насъ все время пребыванія въ Привислянскомъ краѣ. Не смотря на вполне успѣшный ходъ моего изслѣдованія, я нѣсколько разъ подумывалъ написать откровенное письмо Бунге и бросить все дѣло — во всякомъ случаѣ я не думалъ и никакъ не ожидалъ, что мнѣ горько придется разочароваться въ Польшѣ относительно той самой инспекціи, которую я такъ высоко ставилъ... — что мало того — то самое лицо (Лодзинскій инспекторъ), который былъ прикомандированъ ко мнѣ Финансовымъ Вѣдомствомъ и былъ моимъ неразлучнымъ спутникомъ и помощникомъ, именно оказался такимъ взяточникомъ и я, зная этотъ фактъ, долженъ былъ его скрывать подъ личиною равнодушія продолжительное время!!.. Это непріятное приключеніе, отравлявшее мнѣ все послѣдующее пребываніе въ Польшѣ, достаточно объясняется приводимымъ ниже моимъ письмомъ изъ Ченстохова отъ 8 Юля 1886 года, т. е. послѣ съ небольшимъ полумѣсячнаго пребыванія въ Польшѣ:

„За хлопотами разъѣздовъ и осмотровъ фабрикъ“, писалъ я Я. Т. Михайловскому, „я не имѣлъ времени написать Вамъ изъ Польши до настоящаго времени, въ чемъ и прошу Вашего извиненія. Къ сожалѣнію, первое же мое письмо отсюда начинается съ сообщенія Вамъ одного важнаго и пе-

чальнаго извѣстія. Если я рѣшаюсь быть его вѣстникомъ, то исключительно желая Васъ избавить отъ неприятной неожиданности узнать эту новость сверху, т. е. отъ нашего начальства, и я надѣюсь, что Вы примете мое скорое сообщеніе какъ знакъ моего искренняго къ Вамъ уваженія и преданности нашему общему дѣлу, къ сожалѣнію, потерпѣвшему въ Польшѣ прискорбное фіаско... Дѣло въ томъ, что мы всѣ, т. е. я, Н. П. Ильинъ и И. В. Писаревъ вторую недѣлю проживаемъ въ Сосновицахъ, усердно изучая здѣшнія фабрики. Вчера внезапно пріѣхалъ въ Сосновицы графъ Уваровъ, чиновникъ особыхъ порученій при Варшавскомъ Генераль-Губернаторѣ, что называется „изъ молодыхъ и раннихъ“; онъ прикомандированъ къ намъ въ Комиссію, но до сихъ поръ сидѣлъ въ Варшавѣ. Я поѣхалъ на одну фабрику, гр. Уваровъ же вызвался сопровождать Ильина на другую (стеклянный заводъ Эшштейна). За обѣдомъ мы снова сошлись и я, къ своему ужасу, услышалъ отъ Ильина, что онъ на заводѣ Эшштейна, по указанію гр. Уварова, въ „Kassa-Buch“ нашелъ прямое упоминаніе: „Geschenk 50 R. Herrn Fabrikinspektor“—въ день, какъ видно изъ отмѣтки бѣ „Книгѣ о малолѣтнихъ“, посѣщенія послѣднимъ этой фабрики... Представьте наше негодованіе и удивленіе!! Мы немедленно пристали къ графу Уварову, какъ онъ сдѣлалъ это печальное открытіе, и тогда Уваровъ сознался, что онъ уже нѣсколько мѣсяцевъ-де, по приказанію Гурко, производитъ секретное дознаніе о Лодзинскомъ Фабричномъ Инспекторѣ, на котораго Генераль-Губернатору былъ сдѣланъ доносъ о взяточничествѣ. Графъ Уваровъ уже во многихъ фабричныхъ книгахъ отыскалъ, будто-бы, слѣды подобныхъ подвиговъ обоихъ фабричныхъ инспекторовъ въ Царствѣ Польскомъ и на-дняхъ шлетъ рапортъ Гурко.. Онъ сильно убѣждалъ насъ хранить пока въ тайнѣ, но Ильинъ согласился лишь съ оговоркой, что онъ въ частномъ письмѣ сообщить все это А. Б. Беру. Въ виду этого обстоятельства, а также и утвержденія Уварова, будто бы Вамъ, въ бытность Вашу въ Польшѣ, уже сообщали этотъ печальный фактъ, а Вы его отвергли, я и снѣшу, считая это долгомъ нашей пріязни, Вамъ его теперь подтвердить. *Dixi et animam levavi*“!..

Нѣсколько позднѣе, въ письмѣ своемъ изъ-заграницы (Зальцбурга) я сообщилъ Я. Т. М., въ дополненіе предыдущаго извѣстія по тому же печальному поводу слѣдующее: „Добавлю только, что, какъ я слышалъ стороной, гр. Уваровъ былъ незадолго до меня въ Лодзи, смотрѣлъ и даже требовалъ у разныхъ фабрикантовъ книги („Kassa-Buch“ и „Книгу для записи малолѣтнихъ“) къ себѣ на домъ, очевидно, отыскивая слѣды виновности того же инспектора, но, какъ передавалъ мнѣ по секрету одинъ Лодзинецъ, ничего въ Лодзи, по крайней мѣрѣ, не нашелъ“... Письмо помѣчено 6 Сентября 1886 г.

8-го Августа, т. е. послѣ пребыванія болѣе мѣсяца въ Лодзи (долѣе предположеннаго) и, осмотрѣвши тамъ съ окрестностями болѣе 10 фабрикъ, я чувствовалъ себя настолько измученнымъ, какъ нравственно, такъ и физически, что безусловно организмъ мой требовалъ отдыха. Всѣ товарищи мои давно уже были въ Петербургѣ. Страшная жара, стоявшая въ это лѣто при постоянномъ передвиженіи моемъ въ Лодзи, еще болѣе, конечно, усиливала непріятное положеніе, и я рѣшилъ на время перервать работу и пожить нѣсколько недѣль гдѣ-нибудь за границей съ тѣмъ, чтобы позднѣе вернуться для добавочныхъ изслѣдованій въ Польшу. По дорогѣ я еще разъ остановился въ Ченстоховѣ, чтобы посѣтить двѣ фабрики, почему то мною раньше не осмотрѣнныя, и сдѣлалъ также привалъ въ Стржемешнице, чтобы ознакомиться съ новымъ для меня производствомъ, видѣть церезиновый и параффиновый заводъ. 9 Августа я уже былъ за границей и, почти не останавливаясь въ Вѣнѣ, быстро проѣхалъ въ окрестности Зальцбурга, гдѣ и прожилъ весь свой короткій вакалъ (около 3 недѣль), цѣлый день гуляя, купаясь и лишь отчасти разбирая собранный статистическій матеріалъ. Въ началѣ Сентября мы уже были опять въ Польшѣ, въ Сосновицахъ, гдѣ остановились по спеціальной просьбѣ Ильина, чтобы осмотрѣть двѣ фабрики: вмѣсто него же самого мы нашли въ Сосновицахъ его помощника, доцента Технологическаго Института Н. П. Лангового. Далѣе изъ Сосновиць мы прямо отправились въ Варшаву, гдѣ я пробылъ больше недѣли, заканчивая осмотръ преимущественно крупныхъ

металлическихъ фабрикъ. Всего я успѣлъ осмотрѣть до тѣхъ поръ (до Варшавы) около 80 фабрикъ и главное собрать подробныя свѣдѣнія, съ провѣркой по книгамъ и документамъ. Принимая во вниманіе кропотливость работы, собраннаго матеріала было очень много—такъ много, что онъ даже не помѣстился въ спеціальному чеходанѣ, для него предназначеному, не смотря на то даже, что часть фабричнаго матеріала, по неизвѣстнымъ для меня до сихъ поръ причинамъ, пропала гдѣ-то и до меня не дошла.

Здѣсь необходимо остановиться и передать по поводу послѣдняго приключенія случай моего личнаго ознакомленія съ бюрократическимъ произволомъ и чиновничьимъ безобразіемъ въ Царствѣ Польскомъ. Во время перваго прибытія Коммиссіи въ Варшаву, въ виду предстоящей вмѣстѣ съ разъѣздами постоянной перемѣны мѣста нашего пребыванія, мы оставили на все лѣто и для всѣхъ членовъ одинъ адресъ, какъ для официальной, такъ и для частной корреспонденціи—въ Канцелярію Варшавскаго Генераль-Губернатора, для передачи намъ. Я лично имѣлъ очень большую собственную, частную корреспонденцію съ родственниками и друзьями; сверхъ того, не находя на какой-либо изъ посѣщенныхъ фабрикъ требуемаго матеріала или нужной справки, я просилъ обыкновенно заготовить его и переслать для передачи мнѣ въ Варшаву, въ ту же Канцелярію Генераль-Губернатора. Фабрикъ такихъ, выславшихъ мнѣ тѣ или иныя письменныя данныя или отвѣты было, какъ мнѣ извѣстно, весьма много; за лѣто, между тѣмъ, насколько помню, черезъ Канцелярію я весьма мало получилъ, рассчитывая потому на обратномъ пути черезъ Варшаву найти массу матеріала и писемъ... Но случилось нѣчто для меня совершенно неожиданное и никогда со мной небывалое...

Лучше всего я передамъ это приключеніе словами собственнаго письма отъ 16 Сентября 1886 года, написаннаго изъ Варшавы Михайловскому: „Послѣ трехнедѣльнаго отдыха въ окрестностяхъ Зальцбурга, я водворился въ Царство Польское и вновь принялся за осмотръ здѣшнихъ фабрикъ: сначала въ Сосновицахъ, а потомъ тутъ въ Варшавѣ. Въ Канцеляріи Генераль-Губернатора я рассчитывалъ найти

отвѣтную вѣсточку на мое письмо изъ Зальцбурга и отъ Васъ, но увы! не нашелъ ничего, а, зная Вашу аккуратность въ корреспонденціи, не мало тому дивился: думаю, не пропало ли Ваше письмо? *). Последнее весьма вѣроятно уже потому, что моя корреспонденція была мнѣ доставлена отъ имени гр. Уварова (которому почему-то Канцелярія ее передавала для всѣхъ членовъ Коммисіи) въ большомъ безпорядкѣ. Въ моему удивленію и даже негодованію, многія письма оказались распечатанными, напр. *вся корреспонденція изъ Департамента Торговли* и вообще письма отъ разныхъ чиновъ финансоваго вѣдомства, напр., податныхъ инспекторовъ (!!!); многихъ отвѣтовъ отъ фабрикантовъ вовсе нѣтъ. Я потребовалъ тотчасъ же письменнаго объясненія отъ гр. Уварова, но и по сіе время ничего не получилъ“...

Упомянутое письмо къ гр. Уварову, какъ я имѣю возможность привести по сохранившейся съ него копии, было слѣдующаго содержанія: „Варшава, Нѣмецкій ОТЕЛЬ, 11 Сентября 1886 г. Милостивый Государь Гр. Алексѣй Алексѣевичъ! Препровождая при семъ въ особомъ пакетѣ двѣ переданныя Вами бумаги (Договоръ въ гор. Згержѣ отъ 30 Марта 1821 года и отрывокъ Вашего Рапорта), считаю долгомъ принести Вашему Сіятельству мою глубокую признательность за ихъ сообщеніе. Корреспонденцію мою черезъ Канцелярію Генераль-Губернатора я уже получилъ, но, къ сожалѣнію, не въ той полнотѣ, въ какой я это ожидалъ: предполагаю, что недостаетъ одного частнаго письма и свѣдѣній и объясненій отъ разныхъ фабрикантовъ въ Сосновицахъ и Лодзи. Такъ какъ нѣкоторыя мои письма доставлены Вамъ Канцеляріей очевидно въ распечатанномъ видѣ и даже совсѣмъ безъ конвертовъ, то весьма естественно могла произойти путаница, и нѣкоторыя бумаги, посылаемые мнѣ, могли не дойти по своему назначенію. Поэтому рѣшаюсь безпокоить Васъ покорнѣйшей просьбой—не возьмете ли Вы на себя трудъ навести справку въ Канцеляріи, не отправлены ли

*) Оно дѣйствительно пропало, какъ подтвердилось впоследствии по сношенію съ Михайловскимъ.

нѣкоторыя бумаги, адресованныя на мое имя, другому члену Коммисіи, или не затеряны ли вообще какимъ-нибудь образомъ между другимъ однороднымъ матеріаломъ. Разсчитывая, что Вы не оставите мою просьбу безъ отвѣта, пользуюсь случаемъ и т. д.“.

Черезъ недѣлю времени я представился Варшавскому Генералъ-Губернатору Гурко и, познакомивши его съ характеромъ своей дѣятельности какъ Члена Коммисіи, счелъ долгомъ ему разсказать о пропажѣ части корреспонденціи и распечатанныхъ письмахъ, присланныхъ мнѣ его Канцеляріей черезъ гр. Уварова. Генералъ-Губернаторъ, повидимому, былъ непріятно удивленъ моимъ заявленіемъ и категорически мнѣ обѣщаль изслѣдовать это дѣло и виновнаго не оставить безъ наказанія... Съ тѣхъ поръ прошло больше двадцати лѣтъ и тѣмъ не менѣе ни отъ графа А. А. Уварова, ни отъ Канцеляріи Генералъ-Губернатора въ Варшавѣ я до сихъ поръ не получилъ никакого разъясненія относительно нарушенія своихъ правъ на собственную корреспонденцію... и печальное приключеніе моей Польской экспедиціи, что называется, „кануло въ Лету“... *).

Въ заключеніе приведу еще два слова о полякахъ и ихъ отношеніяхъ къ намъ во время нашей экспедиціи. Что собственно касается личныхъ отношеній къ намъ, какъ къ Членамъ „Коммисіи для изслѣдованія пограничныхъ фабрикъ“, то въ данномъ случаѣ я ничего кромѣ похвалъ не могу сказать о полякахъ; они во всемъ охотно помогали намъ, въ чемъ только могли: доставали разнородныя свѣдѣнія, указанія, матеріалы; нѣкоторыя изъ нихъ были очень полезны и облегчали нашу работу, другія доставленныя свѣдѣнія имѣли, впрочемъ, характеръ просто доноса съ личной цѣлью (одинъ образецъ, напр., можно видѣть въ моемъ Поль-

---

*) Данный случай хорошо характеризуетъ состояніе правового порядка былого времени въ нашемъ Царствѣ Польскомъ: если подобное возмутительное отношеніе высшей Администраціи Края къ соблюденію священнаго права неприкосновенности и тайны почтовой корреспонденціи возможно было и допустимо относительно меня—Профессора русскаго университета, дѣйств. ст. совѣтника, Члена Коммисіи, по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію командированной въ Польшу, то какой-же произволь, значить, былъ бы возможенъ, если бы я принадлежалъ къ числу обыкновенныхъ обывателей Привислянскаго края—поляковъ или евреевъ??!...

скомъ Отчетѣ). Такое благоприятное для насъ отношеніе со стороны поляковъ вполне понятно, такъ какъ, въ концѣ концовъ, цѣль Комиссіи заключалась въ ограниченіи конкуренціи вновь возникающихъ въ Польшѣ нѣмецкихъ фабрикъ, большею частью даже съ нѣмецкимъ языкомъ и управленіемъ, а, конечно, поляки не имѣютъ основанія дружить съ нѣмцами больше, нежели съ москалями. Еврей Познанскій (Калманъ) въ Лодзи и полякъ Стефанъ Кошутъ въ Жирардовѣ принадлежали къ умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ людямъ, какихъ я видѣлъ въ жизни, и бесѣда съ ними, во время моей экспедиціи, доставляла мнѣ истинное удовольствіе и большую пользу въ цѣляхъ моего изслѣдованія. Одинъ изъ нихъ задалъ мнѣ тонкій, умный и трудный для разрѣшенія вопросъ: „Почему вы къ намъ не присылаете въ Польшу хорошихъ профессоровъ, какъ мы Вамъ когда-то послали Спасовича, а больше плохихъ?“... Другой, намекая на поводъ къ организациіи нашей Комиссіи—жалобы Московскихъ купцовъ, задался вопросомъ: „почему правительство обращаетъ вниманіе на взаимную перебранку конкурентовъ и не обращаетъ никакого вниманія на весьма многое, гораздо болѣе важное для интересовъ торговли и промышленности цѣлой страны, какъ напр. болѣе разумное и правильное представительство нашихъ торговыхъ интересовъ за границей, занимаемое почти сплошь ничего не смыслящими въ дѣлѣ людьми, какъ русскіе консулы“?!...

Съ другой стороны, не смотря на ласку и доступность, съ которой насъ принимали поляки, меня съ женой поразило нѣкоторое, если можно такъ выразиться, легкомысленное отношеніе къ русскимъ вопросамъ, которые имъ нужно было бы знать, и вообще плохое знаніе всего русскаго, кромѣ, пожалуй, языка. Приведу для доказательства выдержку изъ письма моей жены къ ея родителямъ отъ 8 Августа: „Вчера вечеромъ“, пишетъ она, „мы были въ чисто польскомъ обществѣ—въ семьѣ редактора той газеты, изъ которой я Вамъ прислала вырѣзки, при чемъ я любопытно объяснялась съ его супругой: она по-польски, —я по-русски, и обѣ другъ друга понимали. Мужъ ея совсѣмъ свободно говоритъ по-русски и, вопреки обыкновенію поляковъ, очень интересуется всѣмъ рус-

скимъ, много читалъ и знаетъ. Насколько мало, между тѣмъ, польское общество вообще знаетъ и хочетъ знать русскую науку и литературу, можно судить по тому, что одна дама въ Варшавѣ, съ которою я познакомилась, имѣющая претензіи на знаніе всякихъ языковъ и литературъ, говорила такъ: .. „какъ это зовутъ вашего поэта, Пушкинъ, кажется“?! Изъ русской беллетристики ничего не переводится на польскій языкъ, хотя у насъ, наоборотъ, въ журналахъ много появляется польскихъ произведеній“ *). „Болѣе безпристрастные изъ поляковъ менѣе чуждаются русскихъ и русскаго, большинство же знаетъ только дѣловымъ образомъ и обрусѣнія тутъ незамѣтно, а вотъ онѣмеченіе происходитъ очень быстро въ такихъ мѣстахъ какъ Лодзь, гдѣ уже на рынкѣ торговли говорятъ свободно по-нѣмецки“ ..

Осмотръ Варшавскихъ фабрикъ кончилъ мое изслѣдованіе. Посовѣтоваться мнѣ было не съ кѣмъ, но, пересматривая разной редакціи списки польскихъ фабрикъ въ Завислянской части Польши и обозрѣвая въ умѣ добытыя данныя и выводы, изъ нихъ вытекающіе, я приходилъ къ заключенію, что собраннаго мною матеріала совершенно достаточно для цѣлей, поставленныхъ Коммиссіей. Но были и другія причины, которыя торопили меня къ окончанію польской работы: хотя я и осмотрѣлъ всего 100 фабрикъ за три мѣсяца, но зато сюда входятъ всѣ крупныя, сколько-нибудь выдающіяся заведенія за Вислой и особенно въ пограничной полосѣ. Кромѣ того я чувствовалъ себя сильно утомленнымъ и нездоровымъ отъ продолжительнаго и непрерывнаго напряженія силъ и нервовъ. Къ 1-му Октября долженъ былъ въ Москвѣ вступить въ силу новый, Высочайше утвержденный законъ отъ 3 Іюня 1886 года (плодъ Коммиссіи Плеве): онъ создалъ, какъ мы

---

*) Въ этотъ же самый памятный вечеръ меня лично, въ свою очередь, поразилъ чрезвычайно другой фактъ: хозяинъ предложилъ для развлеченія гостей кучу разнообразныхъ фотографій (преимущественно, конечно, польскихъ), а въ числѣ ихъ оказался и портретъ Льва Н. Толстого. Изъ пяти или шести человекъ, смотрѣвшихъ, кромѣ насъ, его небольшую фотографію одинъ только хозяинъ (по крайней мѣрѣ, какъ онъ это сказалъ) узналъ, комъ этотъ портретъ принадлежитъ; одна изъ присутствующихъ дамъ обратилась ко мнѣ съ просьбой: «прошу, панъ, рассказать, что этотъ литераторъ напи салъ»? Не забудьте, что этотъ вечеръ происходилъ въ литературномъ семействѣ и въ 1886 году, когда имя Толстого уже гремѣло во всемъ свѣтѣ!

увидимъ позднѣе, много новыхъ письменныхъ и контрольныхъ обязанностей для фабрикъ и для инспекторовъ, и помощникъ мой, меня за лѣто замѣнявшій, торопилъ меня усиленно прїѣздомъ. Вотъ что я писалъ по этому поводу еще въ Сентябрѣ изъ Варшавы Я. Т. М.: „Что Вамъ сказать хорошенькаго?“, иронизировалъ я. „Усталъ я ужасно; отдыхъ заграницей былъ слишкомъ кратковременъ, а между тѣмъ приходится недолго медля возвращаться къ дѣлу и дѣлу горячему — бѣднаго Рахманова фабриканты бомбардируютъ со всѣхъ сторонъ запросами по поводу выполненія новыхъ фабричныхъ правилъ и онъ въ свою очередь запрашиваетъ безпрестанно меня не только письмами, но и телеграммами... Пора, короче, возвращаться въ Москву: вѣроятно чеъезъ три, четыре дня не болѣе я и покину Варшаву для Бѣлокаменной. Да, по правдѣ, и цыганская жизнь уже нѣсколько надоѣла, да и нравственная грязь, здѣсь въ Польшѣ, окружающая меня со всѣхъ сторонъ, очень ужъ опротивѣла“...

Результатами моей поѣздки и изслѣдованія въ Царствѣ Польскомъ были двѣ работы: одна неофициальная — „Историческій очеркъ польской промышленности“, которой я воспользовался, какъ рѣчью, въ Торжественномъ Засѣданіи Императорскаго Московскаго Университета 12 Января 1887 года; вторая работа — официальная — „Отчетъ“ по моему изслѣдованію, напечатанный Министерствомъ Финансовъ. Я не упоминаю о своей статьѣ по сравненію положенія польскихъ рабочихъ съ русскими, помѣщенной въ „Вѣстникъ Европы“, такъ какъ она не имѣетъ самостоятельнаго значенія и представляетъ собою извлеченіе изъ предыдущаго. Первые двѣ работы являются необходимыми дополненіями другъ къ другу — онѣ отчасти лишь заключаютъ въ себѣ одинаковый матеріалъ, — а потому, чтобы ясно познаться съ результатами Польской экспедиціи, необходимо здѣсь изложить вкратцѣ выводы изъ обоихъ сочиненій *).

---

*) Историческій очеркъ развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. Рѣчь, произнесенная въ Торжественномъ Собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 Января 1887 года Ординарнымъ профессоромъ *И. И. Янжуломъ*. Москва. 1887 г.

Отчетъ *И. И. Янжула* по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ. С.-Петербургъ, 1888 г.

Какъ видно изъ самаго названія, мой университетская рѣчь имѣла въ виду откликнуться на злобу дня—дать присутствующей публикѣ возможность судить и разобраться въ ходячихъ въ Москвѣ въ то время толкахъ и спорахъ о важности и значеніи конкуренціи Лодзи и Сосновицъ съ промышленностью центральной Россіи. Для этого я именно избралъ форму историческаго очерка (что, разумѣется, въ „Отчетѣ“ отсутствовало) съ цѣлью уяснить быстрый ростъ польской промышленности и показать къ чему онъ привелъ. Я прежде всего устанавливаю именно этотъ несомнѣнный фактъ быстрого роста промышленности Привислянскаго края и притомъ за сравнительно позднѣйшее время. Оказывается, на основаніи обзора статистическихъ данныхъ по обработкѣ такъ наз. волокнистыхъ веществъ, если сопоставить процентное отношеніе производства за 1887 г. къ производству 1866 года, то въ Имперіи соотвѣтствующая промышленность въ среднемъ выросла за данный періодъ на 192%, а за то же самое время въ Царствѣ Польскомъ—на 468%. Далѣе, за періодъ отъ 1879 г. по 1883 г. и притомъ для нѣсколькихъ разнообразныхъ производствъ, помимо волокнистыхъ, въ Имперіи промышленность выросла по разнымъ отраслямъ отъ 92 до 121%, а въ Царствѣ Польскомъ—отъ 100 до 1000% слишкомъ!!

Прежде всего я констатирую фактъ, что польская промышленность вообще моложе русской и, слѣдовательно, должны быть существенныя причины для ея усиленно-быстраго роста. Этотъ ростъ начинается съ утраты политической самостоятельности Польши и присоединенія ея къ Россіи. Первый благопріятный факторъ при этомъ для развитія польской промышленности заключался вмѣстѣ съ присоединеніемъ къ Россіи въ цѣломъ рядѣ поощрительныхъ административныхъ мѣръ, для того принятыхъ правительствомъ (главнѣйшія—вызовъ иностранцевъ). Второй факторъ заключался въ благотворномъ вліяніи на хозяйство Польскаго Банка, истратившаго на развитіе этой промышленности многіе милліоны денегъ. Наконецъ, третій и важнѣйшій факторъ состоитъ въ тѣхъ экономическихъ выгодахъ, которыя Польша извлекла изъ своего именно присоединенія къ Россіи и тор-

говли съ нею. Съ самаго своего основанія — 1816 года и до 1850 года, за исключеніемъ двухлѣтняго короткаго періода, Царство Польское имѣло свой собственный таможенный тарифъ и таможенный кордонъ на Русской границѣ; но при этомъ ввозила свое сырье въ Россію беспошлинно, а обработанныя издѣлія съ ничтожной пошлиной въ 1%. Между тѣмъ важнѣйшій промыселъ въ то время Россіи — бумажная фабрикація, облагался при ввозѣ въ Польшу въ 15 разъ дороже, 15%. Сверхъ того, иностранные товары, обложенные по польскому тарифу незначительной пошлиной, ввозились часто въ Имперію, снабженные польскимъ клеймомъ, по тому же низкому тарифу для Польши въ 1%. Такимъ образомъ, присоединеніе къ Россіи создало для Польши обширный монополизированный рынокъ какъ для ея собственныхъ продуктовъ, такъ и для привозимыхъ ею иностранныхъ. *Отъ всего остального свѣта Россія была ограждена высокой стѣной запретительнаго тарифа, и лишь Польша представляла собой ворота въ этой сплошной стѣнѣ!*

Въ 1850 году совершилось новое событіе въ исторіи польской промышленности, которое можно смѣло считать по счету четвертымъ факторомъ ея успѣха и развитія, а именно: таможенное объединеніе и уничтоженіе таможенной границы между Имперіей и Царствомъ. Первоначально таможенное сліянiе съ Имперіей встрѣчало помѣху для развитія промышленности въ дурныхъ путяхъ сообщенія, но съ шестидесятихъ годовъ начинается постройка желѣзныхъ дорогъ и каждая новая линія, проводимая въ Привислянскомъ краѣ, а затѣмъ въ Имперію, усиливаетъ спросъ на польскія издѣлія и поднимаетъ ростъ польской промышленности, давая стимуль къ основанію новыхъ фабрикъ. Конечно, проведеніе желѣзныхъ дорогъ способствовало также и росту своихъ русскихъ фабрикъ, но польское производство за то же время строительства желѣзныхъ дорогъ увеличилось отъ 3 до 4¹/₂ разъ быстрѣе, нежели русское. По моимъ лично добытымъ даннымъ ⁴/₅ всѣхъ польскихъ фабрикъ основаны позднѣе 1850 года, а чуть ли не половина этихъ фабрикъ вызвана на свѣтъ съ 1877 по 1885 годъ подъ прямымъ воздѣйствіемъ специально русскихъ финансовыхъ условій—

установленія такъ называемой золотой пошлины, упадка курса рубля и усиленной покровительственной системы.

Вмѣстѣ съ этимъ быстрымъ и несомнѣнно желательнымъ для интересовъ Россіи ростомъ польской промышленности, явилось, однако, весьма нежелательное условіе, вызванное именно быстротой роста нашего таможеннаго тарифа; а именно, вслѣдъ за сильнымъ увеличеніемъ тарифа доступъ на русскій рынокъ многимъ иностраннымъ фабрикатамъ былъ затрудненъ и даже нерѣдко сдѣланъ невозможнымъ; между тѣмъ, сырье или полуфабрикаты, нужные для приготовленія этихъ издѣлій, были обложены лишь незначительной пошлиной: и вотъ иностранные поставщики переносятъ свои фабрики, или ихъ отдѣленія за Русскую границу вмѣстѣ съ ихъ полнымъ обзаведеніемъ—машинами, орудіями и свѣдущими, опытными рабочими. Снабженные крупными капиталами, многіе иностранцы производятъ такое искусственное пересажденіе своихъ фабрикъ съ поразительной быстротой: такъ, во время пребыванія моего въ Польшѣ въ срединѣ 1886 года лишь началась постройка двухъ иностранныхъ фабрикъ камвольной шерсти крупныхъ размѣровъ въ Сосновицахъ и Ченстоховѣ, а въ Декабрѣ того же года, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ отъ самихъ предпринимателей, эти многомилліонныя предпріятія должны были быть пущены въ ходъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что появленіе на свѣтъ и развитіе подобныхъ фабрикъ одинаково невыгодно какъ для интересовъ русской промышленности, такъ и для самого фиска. Подобный производитель выигрываетъ въ свою пользу всю разницу между возвышенной цѣной продукта и той, которую бы онъ могъ взять на свободномъ рынкѣ: иностранный продуктъ получаетъ здѣсь фальшиво русское обличье и избѣгаетъ значительной части таможеннаго налога. Вотъ та сторона, на которую необходимо прежде всего должно быть обращено вниманіе правительства и приняты мѣры противъ роста подобныхъ промышленныхъ заведеній на нашей границѣ и наносимаго ими ущерба.

Съ другой стороны, несомнѣнно также, что всѣ крики и толки въ Московскихъ заинтересованныхъ сферахъ были

сильно преувеличены и раздуты: общіе размѣры производительности польской промышленности, кромѣ горнозаводской, составляли въ 1887 году 191 миллионъ рублей; между тѣмъ производство одной лишь Московской губерніи превышало 217 миллионѣвъ. Отсюда очевидно, что крупной опасности для русской промышленности, въ ея цѣломъ, отъ конкуренціи фабрикъ Царства Польскаго нѣтъ основанія ожидать, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ; мало того, въ главной отрасли и важнѣйшей Московскаго производства — въ хлопчатобумажной промышленности — преимущества на русской сторонѣ: наши бумажныя издѣлія въ большинствѣ лучше польскихъ и не дороже ихъ, почему у Имперіи съ Польшей и происходитъ сильный обмѣнъ на рынкѣ бумажныхъ товаровъ. Существуютъ чисто русскія фирмы, которыя постоянно и преимущественно отправляютъ свои товары въ Привислянскій край. Главный польскій продуктъ, который дѣйствительно конкурируетъ въ Имперіи съ русскимъ и вызываетъ нѣкоторую заботу, это шерстяныя издѣлія. Шерстяная промышленность развилась и установилась въ Польшѣ въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ (въ производствѣ неваленыхъ тканей) раньше русской и усовершенствовалась значительно, по сравненію съ произведеніями Московскихъ фабрикъ.

Такимъ образомъ, и за русской, и за польской промышленностью въ качествѣ обработанныхъ продуктовъ существуютъ свои pro и contra: одни производства, какъ хлопчатобумажное, — выше въ Россіи; другія — шерстяное, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ его частяхъ, — выше въ Польшѣ. То же, что о качествѣ, можно сказать и о шансахъ конкуренціи: въ однихъ отношеніяхъ, напр., въ дешевизнѣ труда, — преимущество за Московскими промышленниками, въ другихъ, напр., дешевизнѣ топлива, подѣздныхъ путяхъ, лучшей техникѣ — преимущество на сторонѣ промышленниковъ Привислянскаго края. Очевидно, не можетъ быть вопроса о какихъ-либо насильственныхъ мѣропріятіяхъ правительства для уравниванія шансовъ конкуренціи, и сами промышленники должны стремиться къ должному уравниванію своихъ преимуществъ и недостатковъ въ интересахъ наилучшаго развитія

своего дѣла. Но въ то же время, однако, какъ это видно изъ моего краткаго историческаго очерка, польская промышленность отнюдь не имѣла естественнаго вполнѣ роста, и поляки должны не забывать, что промышленность ихъ представляетъ собой дитя правительственной опеки и многолѣтней заботливости русскаго государства, вспоенное и вскормленное въ значительной степени на русскихъ хлѣбахъ и на счетъ русскихъ потребителей (болѣе 50% польскихъ издѣлій вывозится въ Имперію)*). Другой важный вопросъ, связанный съ исторической судьбой польской промышленности, это—новѣйшее развитіе въ ней фабрикъ, основанныхъ собственно иностранцами и въ значительной части существующихъ на иностранномъ трудѣ, которое оказываетъ вліяніе на германизацію нашихъ польскихъ окраинъ и помогаетъ ей совершаться съ быстротой несравненно можетъ быть большей, нежели самый ростъ польской промышленности.

Изложивши вкратцѣ содержаніе „Историческаго очерка развитія польскихъ фабрикъ“, перейдемъ къ сообщенію сущности самаго „Отчета“ о нихъ.

Мы уже познакомились выше съ пятью задачами программы, возложенной на „Коммиссію“ по изслѣдованію, а равно и съ перечисленіемъ въ 12 пунктахъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должны были собирать Члены Коммиссіи для вы-

---

*) Въ настоящемъ, 1906 году, т. е. черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, какъ вышеприведенные выводы были сдѣланы и мною написаны, многое въ Россіи, какъ въ политической жизни, такъ и во взглядахъ на польскій вопросъ, какъ извѣстно, радикально измѣнилось и, между прочимъ, выдвинуть на авансцену вопросъ объ автономіи Царства Польскаго, т. е. о предоставленіи ему самостоятельнаго національнаго существованія. Эта важная будущая переменна въ судьбѣ Польши, если таковая состоится, тѣсно связана съ разсматриваемымъ выше въ моей книгѣ вопросомъ о ея фабрикахъ. Не входя въ обсужденіе вопроса объ автономіи, какъ не относящагося непосредственно къ данной работѣ, я не могу, однако, не указать, что при возможной опѣнкѣ условій полученія Польшей такой автономіи и, слѣдовательно, самостоятельности въ ея экономической политикѣ (а русскіе и польскіе интересы могутъ быть часто въ противорѣчій), не слѣдуетъ упускать изъ виду многомилліонный долгъ Польши Имперіи за созданіе и почти столѣтнее поддержаніе ея промышленности.

Такъ или иначе, но, по моему мнѣнію, Россія, предварительно рѣшенія вопроса о польской автономіи, имѣетъ право потребовать уплаты этого стараго долга. Другой вопросъ, имѣетъ ли Царство Польское возможность, или средства уплатить этотъ огромный долгъ?!

полненія возложеннаго на нихъ порученія. На основаніи этихъ 12 пунктовъ были составлены вопросы (числомъ 27), разосланные по всѣмъ Завислянскимъ фабрикамъ. Согласно этимъ вопросамъ, каждая фабрика заготовляла требуемыя свѣдѣнія, моя же обязанность состояла при посѣщеніи фабрики—въ провѣркѣ всѣхъ полученныхъ свѣдѣній посредствомъ фабричныхъ книгъ, документовъ, осмотра самой фабрики и ея учрежденій и подробнаго разспроса администраціи и рабочихъ. Всего мною лично было осмотрѣно и описано въ Царствѣ Польскомъ за 3 мѣсяца 89 фабрикъ и, сверхъ того, 11 таковыхъ же, большею частью, мелкихъ, интересныхъ въ таможенномъ отношеніи, были осмотрѣны вмѣстѣ съ г. Рогаль-Качурой и въ дневникъ описанія не попали, такъ что общее число осмотрѣнныхъ мною фабрикъ ровно 100 фабрикъ. Согласно первоначальному плану Комиссіи, послѣ окончанія изслѣдованія членами Комиссіи польскихъ фабрикъ должно было производиться параллельно изслѣдованіе московскихъ фабрикъ, но этой второй половины изслѣдованія по неизвѣстной мнѣ причинѣ не состоялось. Чтобы пополнить этотъ пробѣлъ, отъ моей воли не зависящій, я обратился съ программой вопросныхъ пунктовъ, подобныхъ польскимъ, къ нѣсколькимъ крупнымъ Московскимъ фабричнымъ фирмамъ, но *получилъ отвѣтъ*, къ сожалѣнію, *всего только отъ 4 фабрикъ* и этими немногими данными и приходилось пользоваться для сопоставленія съ польскими, за исключеніемъ, пожалуй, статистики заработной платы, по которой въ моихъ предварительныхъ отчетахъ было собрано много свѣдѣній.

Первый вопросъ, который я долженъ былъ рѣшить по данной намъ программѣ, это — о взаимномъ отношеніи основнаго капитала на фабрикахъ къ производству. Въ Царствѣ Польскомъ оказалось производство въ большинствѣ случаевъ превосходить основной капиталъ, т. е. стоимость земли, зданія и машинъ, на нѣкоторыхъ производствахъ—даже въ три раза. Изъ сопоставленія имѣвшихся данныхъ Московскихъ фабрикъ съ польскими оказалась невыгода на сторонѣ первыхъ: на Московскихъ фабрикахъ затрата основнаго капитала была гораздо выше, чѣмъ на польскихъ. Въ то время

какъ на польскихъ фабрикахъ годовое производство равно или превышаетъ основной капиталъ, на Московскихъ фабрикахъ — это самое далеко не всегда имѣло мѣсто: очевидно, постройка, а можетъ быть и машины стоили въ Москвѣ дороже, что несомнѣнно, конечно, зависитъ прежде всего отъ общей дороговизны у насъ построекъ (дороговизны кирпича) и затѣмъ отъ господствующаго въ средней Россіи обыкновенія на большинствѣ фабрикъ, чтобы рабочіе жили въ хозяйскихъ помѣщеніяхъ.

Переходя къ главѣ второй „Отчета“ — къ естественнымъ условіямъ, способствовавшимъ развитію въ Царствѣ Польскомъ фабрикъ, я останавливаюсь прежде всего на топливѣ. Подробное изслѣдованіе этого вопроса на мѣстѣ, равно и литература, констатируетъ несомнѣнный фактъ сравнительной выгоды топлива во всемъ Царствѣ Польскомъ передъ средней Россіей. Въ Москвѣ въ данное время (т. е. 20 лѣтъ назадъ) средняя цѣна за пудъ дровъ колебалась отъ 11 до 13 коп., а торфа — отъ 12 до 16 к. Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ — одно отопленіе — каменный уголь мѣстный и заграничный и цѣна его стоила отъ 2 до 15 к. за пудъ мѣстнаго и отъ 7 до 22 к. иностраннаго. Если взять сравнительный расходъ топлива, приходящійся на единицу продукта, то окажется, что въ общемъ фабричномъ оборотѣ Царства Польскаго топлива расходуется въ два раза меньше, чѣмъ на фабрикахъ Московской губерніи.

Сравненіе заработной платы Имперіи съ Царствомъ Польскимъ вездѣ привело меня къ выводу о лучшемъ, болѣе высокомъ заработкѣ польскаго рабочаго сравнительно съ его товарищемъ въ Москвѣ. Мужчина получаетъ въ среднемъ въ Польшѣ на цѣлую треть больше, чѣмъ въ средней Россіи, малолѣтніе чуть не на двѣ трети (60%) и особенно много сравнительно въ Польшѣ получаютъ женщины, плата коихъ на $\frac{3}{4}$ превосходитъ русскую женскую плату на тѣхъ же производствахъ. Вдобавокъ къ этому надо сказать, что въ изслѣдуемое время (1886 годъ) никакихъ правильныхъ сроковъ расплаты съ рабочими въ средней Россіи еще не существовало: хозяинъ платилъ, когда желалъ и даже штрафовалъ рабочихъ, которые приставали съ просьбой о деньгахъ; лишь

законъ извѣстной намъ Коммисіи Плеве установилъ съ 3 іюня 1886 г. первый разъ правильные сроки расплаты. Между тѣмъ въ Царствѣ Польскомъ издавна срокъ расплаты регулярный: или двухнедѣльный, или недѣльный; притомъ расплата происходитъ въ Польшѣ всегда сполна чистыми деньгами, какъ я убѣдился не разъ на фабрикахъ, присутствуя въ моментъ расплаты. Точно также въ то время, когда въ остальной Россіи до 1886 года штрафы рабочихъ, и притомъ часто въ пользу хозяина, были очень многочисленны, разнообразны и произвольны, въ Царствѣ Польскомъ они взымались въ гораздо меньшемъ числѣ случаевъ, рѣже и возвращались обыкновенно рабочимъ въ томъ или иномъ видѣ (чаще всего они шли въ т. н. Krankenkassen).

Вообще отношенія рабочихъ къ хозяевамъ въ Царствѣ Польскомъ, согласно даннымъ моего изслѣдованія, гораздо были лучше и нормальнѣе, нежели въ Москвѣ и остальной извѣстной мнѣ Россіи. Сами польскіе рабочіе несомнѣнно гораздо выше и образованнѣе нашихъ русскихъ, — во-первыхъ, потому, что между рабочими Царства Польскаго значительная часть иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ, прошедшихъ обязательную школу, во-вторыхъ — не смотря на малое развитіе образованія въ Царствѣ Польскомъ, вообще, фабрики имѣютъ гораздо больше грамотныхъ, нежели въ Россіи. Въ то время, какъ у насъ, на лучшихъ притомъ фабрикахъ, число грамотныхъ не превосходило 31%, на польскихъ — цифра грамотныхъ давала 45% для всѣхъ трехъ изслѣдованныхъ фабричныхъ районовъ, а изъ нихъ въ Сосновицахъ получалось 55% и въ Варшавѣ 56%. Въ Ченстоховѣ на игольной фабрикѣ мнѣ встрѣтилось четверо слесарей, кончившихъ курсъ въ мѣстной гимназіи.

Точно также и большинство другихъ условій для рабочихъ поставлены тамъ лучше, чѣмъ на русскихъ фабрикахъ. Такъ, средняя продолжительность рабочаго времени тамъ короче, а именно была въ то время отъ 10 до 12 часовъ въ день, тогда какъ на Московскихъ фабрикахъ того времени она была въ среднемъ больше 12, и очень нерѣдко достигала до безобразной длины — 14 часовъ въ сутки. Если взять во вниманіе годовую работу, то окажется на польскихъ

фабрикахъ работали за вычетомъ праздниковъ 292 дня въ году, а на русскихъ—285 и Московскія фабрики въ результатѣ, если перевести время на часы работы, какъ оказывается, благодаря длинѣ ежедневной работы, вообще работали дольше польскихъ и послѣднія отъ меньшаго числа праздниковъ никакого преимущества въ смыслѣ годовой производительности не получали.

Другая сторона, которая сильно отличаетъ польскія фабрики отъ московскихъ, это—повальное отсутствіе фабричныхъ лавокъ, ведущихъ на Московскихъ фабрикахъ къ столькимъ злоупотребленіямъ, вызывая необходимость правительственного контроля. Такъ какъ огромное большинство польскихъ фабрикъ расположено въ селеніяхъ и вообще скучено (какъ напр. въ Петербургѣ), то снабженіе рабочихъ припасами предоставлено въ Польшѣ частной конкуренціи и въ этотъ вопросъ фабричная администрація совершенно не мѣшается. Гдѣ же существуютъ фабричныя лавки для рабочихъ, то онѣ обыкновенно являются въ Польшѣ потребительными обществами и ведутся при ближайшемъ участіи самихъ же рабочихъ и подъ ихъ надзоромъ.

Какъ я говорилъ въ своемъ инспекторскомъ отчетѣ за 1882—1883 гг., медицинская помощь на московскихъ фабрикахъ организована весьма неудовлетворительно и на большинствѣ ихъ существуетъ лишь номинально; но тѣмъ не менѣе на всѣхъ, по крайней мѣрѣ крупныхъ фабрикахъ, хорошо или дурно устроенныя больницы имѣются и даже составляютъ довольно существенный предметъ расхода. Въ Царствѣ Польскомъ даже на огромномъ большинствѣ крупныхъ фабрикъ больницы совершенно не существуетъ, а расходъ на приглашеніе врача, на лѣкарства и т. п. фабрики всецѣло или отчасти перелагаютъ на самихъ рабочихъ. Известный циркуляръ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ отъ 21 Сентября 1866 года, обязывающій фабрикантовъ съ числомъ рабочихъ болѣе 100 человекъ къ устройству больницъ—циркуляръ этотъ совершенно не примѣнялся въ Царствѣ Польскомъ, а потому немногія тамъ фабричныя больницы обязаны своимъ появленіемъ въ свѣтъ исключительно личной филантропіи владѣльцевъ. Въ этомъ пунктѣ несо-

мнѣнно состоитъ разница въ значительномъ расходѣ для московскихъ фабрикъ, сравнительно съ польскими. Но въ то же самое время въ Польшѣ, на мѣсто хозяйской заботы въ этомъ отношеніи, выступаетъ самодѣятельность рабочихъ, подобно которой на Московскихъ фабрикахъ нѣтъ. Цѣль эта достигается въ Польшѣ посредствомъ т. н. Krankenkassen—кассы для больныхъ, перенесенныхъ сюда, очевидно, изъ со-сѣдней Германіи. Кассы эти, существующія частью на взносы только рабочихъ, частью хозяевъ и рабочихъ и штрафныхъ денегъ, доставляютъ своимъ членамъ, рабочимъ, не только одну медицинскую помощь въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. совѣтъ врача, лѣкарства и пр., но пособіе или пенсію семьѣ больного, а иногда даже и деньги на похороны умершихъ. Такимъ образомъ въ Польшѣ фабричный рабочій путемъ самодѣятельности и отчасти собственныхъ расходовъ получаетъ въ смыслѣ медицинской помощи большее удовлетвореніе своихъ нуждъ, чѣмъ въ Россіи, гдѣ на многихъ фабрикахъ Московской губерніи, даже съ хорошими больницами, стараются, первымъ дѣломъ, всякаго серьезнаго больного сплавить съ рукъ его родственикамъ или въ земскую больницу, если таковая имѣется, а семья, какъ правило, лишается въ больномъ своего кормильца. Въ настоящее время поэтому, когда въ Россіи предполагается страхованіе или лучшее обезпеченіе больныхъ рабочихъ и на старость, русскимъ рабочимъ придется привыкать къ организаціи такихъ кассъ, съ которыми польскіе собратья уже давно знакомы и освоились. Въ то время, какъ у насъ въ Россіи рабочіе стали бы навѣрное протестовать противъ постоянныхъ регулярныхъ взносовъ съ своей стороны, стараясь все цѣликомъ возложить на хозяевъ, польскіе рабочіе, напротивъ, привыкли къ этому порядку платежей и настолько зрѣлы и развиты, что хорошо понимаютъ, что хозяинъ, не желающій жертвовать свои деньги на этотъ предметъ, всегда найдетъ возможнымъ переложить обязательный взносъ на рабочихъ путемъ, напр., ничтожнаго пониженія въ расчетъ заработной платы и т. п.

Кромѣ того, хотя во всей Россіи, и внутренней, и въ Привислянскомъ краѣ, въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка благотворительныхъ учрежденій для рабочихъ вообще

было очень мало, но тѣмъ не менѣе въ Царствѣ Польскомъ они встрѣчались, по моимъ наблюденіямъ, всетаки чаще, чѣмъ на Московскихъ фабрикахъ, и сверхъ того самый способъ благотворительности былъ гораздо разнообразнѣе.

Въ заключеніе всѣ выше перечисленныя данныя, указывающія на лучшія во многихъ отношеніяхъ условія существованія на фабрикахъ польскаго рабочаго сравнительно съ Московскимъ привели меня къ выводу, что всѣ эти условія способствуютъ въ Польшѣ косвенно лучшему подбору рабочихъ и ихъ хорошему составу, что, весьма возможно, остается не безъ вліянія и на взаимные шансы конкуренціи съ внутренней Россіей. Тогда какъ въ Россіи рабочій—номадъ и весьма многихъ надо почти каждый разъ приучать къ фабричному дѣлу, какъ бы оно ни было малосложно, а при возвращеніи ихъ къ земледѣльческому труду всѣ уроки забываются и надо вновь учить фабричному дѣлу, не говоря уже о переходѣ къ совсѣмъ иному промышленному занятію, въ Привислянскомъ краѣ дѣло обстоитъ совершенно иначе. Во-первыхъ, изъ 8 фабричныхъ рабочихъ тамъ одинъ непременно иностранный подданный, т. е. лицо, никогда не занимавшееся земледѣліемъ и не имѣющее къ сельской работѣ никакого отношенія. Но то же самое въ значительной степени относится и къ большинству польскихъ рабочихъ, которые издавна посвящаютъ свой трудъ только промышленности. Понятно, что это значительно облегчаетъ и улучшаетъ весь ходъ фабричной работы сравнительно съ остальной Россіей, гдѣ очень часто тотъ самый мужикъ, который разбрасывалъ вчера вилами навозъ въ полѣ, или косилъ сѣно, сегодня, можетъ быть, на фабрикѣ Хлѣбникова чеканить дорогую серебряную вещь или ткеть у Сапожникова парчу цѣною по 3 рубля за вершокъ работы. Вообще нельзя съ одинаковымъ успѣхомъ заниматься въ одно и то же время совершенно различными занятіями, „нельзя“, какъ говорить пословица, въ одно время „двумъ богамъ молиться“...

Такъ какъ немалая часть польскихъ фабрикантовъ, въ то же время, являются владѣльцами фабрикъ гдѣ-нибудь за границей и смотрятъ на свои польскія фабрики какъ на отдѣленія или филии, то они пользуются одинаково выгодами

кредита какъ въ Россіи, такъ и за границей, получая, слѣдовательно, деньги на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели ихъ русскіе сотоварищи. Такъ что относительно ихъ можетъ быть вполне примѣнена русская поговорка: „Ласковый теленокъ двухъ матокъ сосетъ“. Кромѣ того, какъ видно изъ собранныхъ мною данныхъ, польскія фабрики обложены гораздо слабѣе русскихъ и, слѣдовательно, пользуются значительнымъ преимуществомъ, по сравненію съ ними, будучи обложены болѣе легкими налогами, особенно мѣстными, которые могутъ, поэтому, въ интересахъ уравненія шансовъ конкуренціи, быть значительно увеличены.

Вообще—часть рабочихъ, большая часть служащихъ и, вѣроятно, также значительная часть капиталовъ польской промышленности—иностраннаго происхожденія и перенесены изъ-за границы. Мало того, даже сырье ($\frac{1}{5}$ всего его количества), перерабатываемое на фабрикахъ Царства Польскаго—иностраннаго происхожденія. Какъ извѣстно, напр., Россія вывозила всегда большое количество шерсти за границу, но на фабрикахъ Царства Польскаго болѣе половины всей обрабатываемой шерсти—всетаки иностранная и, не смотря на свои значительныя желѣзныя руды, огромная часть перерабатываемаго желѣза на заводахъ Привислянскаго края доставляется изъ-за границы (почти $1\frac{1}{2}$ милліона пудовъ противъ своихъ 113 тысячъ). Единственный продуктъ сырья исключительно русскій: это — лишь тряпье для выдѣлки бумаги и искусственной шерсти, которое весьма нужно для собственныхъ русскихъ фабрикъ...

Такимъ образомъ фабричная промышленность Царства Польскаго отличается, сравнительно съ Московскою, большими и разнообразными преимуществами, главнымъ образомъ природными (топливо и близость къ границѣ) или находящимися въ связи съ первыми (напр., болѣе обширный кредитъ), которыхъ, конечно, человѣкъ не въ силахъ измѣнить и затѣмъ гораздо лучшимъ положеніемъ рабочаго класса—болѣе грамотнаго, развитога и привыкшаго къ самодѣятельности. Сопоставляя шансы конкуренціи этихъ двухъ частей Россійской Имперіи, я прихожу въ концѣ своего изслѣдованія къ заключенію, что, во-первыхъ, для уравненія шансовъ кон-

куренціи Московская промышленность должна стремиться именно наиболѣе всего къ умственному и нравственному поднятію своего рабочаго класса, къ улучшенному подбору состава служебнаго и рабочаго персонала нашихъ фабрикъ. Во-вторыхъ, въ виду лучшихъ взаимныхъ отношеній въ Польшѣ хозяевъ и рабочихъ, русская промышленность должна позаботиться о наилучшемъ примѣненіи и осуществленіи только что изданнаго закона отъ 3 Іюня 1886 года, регулирующаго ихъ взаимныя отношенія *). Для другой стороны промышленности Царства Польскаго я наиболѣе рекомендую двѣ мѣры—увеличеніе податнаго обложенія польскихъ фабрикъ, особенно мѣстнаго, и затѣмъ нѣкоторыхъ мѣръ противъ чрезмѣрнаго наплыва иностранцевъ и устройства иностранныхъ фабрикъ, угрожающихъ нашимъ окраинамъ германизацией и которыя по своему существу представляютъ лишь ловкій обходъ нашихъ таможенныхъ законовъ, въ ущербъ русскимъ производителямъ и даже потребителямъ.

Черезъ двадцать лѣтъ спустя, приводя здѣсь главнѣйшіе выводы изъ моего польскаго изслѣдованія, я считаю долгомъ сдѣлать одинъ новый выводъ, отвѣчающій измѣнившимся взглядамъ въ русскомъ обществѣ на будущія взаимныя отношенія Русской Имперіи къ Царству Польскому. Если мы согласно столь распространенному нынѣ мнѣнію нѣкоторыхъ изъ нашихъ согражданъ, самоотверженно забывая о многихъ миллиардахъ денегъ, затраченныхъ нами

---

*) «Поддержаніе и послѣдовательное введеніе въ жизнь началъ этого закона», буквально говоря я въ своемъ Польскомъ отчетѣ, «должны уменьшить поводы къ несогласію, устранить ихъ значительно въ самомъ корнѣ и создать на нашихъ фабрикахъ тотъ порядокъ и то благоустройство, которыми шеголяютъ польскія фабрики сравнительно съ нашими, не давая повода къ волненіямъ и эксцессамъ, столь пагубнымъ для правильнаго хода промышленности». См. «Отчетъ *И. И. Янжула* по изслѣдованію фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ». СПб., 1888, стр. 104.

Насколько въ дѣйствительности заботились у насъ о достиженіи означенной цѣли выполненія закона 3 Іюня и вообще улучшенія взаимныхъ отношеній рабочихъ и хозяевъ, можно судить уже на основаніи фактовъ, приводимыхъ далѣе въ Главѣ Четвертой настоящихъ «Воспоминаній»; такъ какъ въ этомъ направленіи почти ничего не было сдѣлано, то и получилось «ex nihilo nihil!» За эту беззаботность мы и несемъ уже два года строгую кару, которая неизвѣстно когда кончится...

только на созданіе и поддержаніе Польской промышленности, желаемъ даровать ей нынѣ автономію и самостоятельную экономическую политику, которая, разумѣется, часто можетъ идти въ разладъ съ нашей собственной экономической политикой и, слѣдовательно, создавать намъ новый ущербъ, то не проще ли и не выгоднѣе ли было бы для удовлетворенія русскихъ интересовъ, вмѣсто автономіи предоставить Польшѣ совершенную политическую независимость и, трактуя ее какъ иностранное государство, отдѣлиться отъ нея таможенной чертой, конечно, съ общимъ имперскимъ тарифомъ?! Польша, какъ мы видѣли выше (и въ этомъ отношеніи за двадцать лѣтъ значительныхъ перемѣнъ быть не могло), перерабатываетъ на своихъ фабрикахъ главнѣйшимъ образомъ иностранное сырьё, отчасти иностранными руками, значительною частью въ пользу иностранныхъ капиталистовъ и къ выгодѣ и процвѣтанію иностранныхъ кредитныхъ учреждений... Между тѣмъ цѣна ея продуктовъ на подобныхъ фабрикахъ, потребляемыхъ преимущественно на русскомъ рынкѣ, поднимается соразмѣрно нашему высокому тарифу и, безъ всякой особой выгоды для русскаго потребителя, уходитъ въ видѣ прибыли въ карманъ иностранныхъ капиталистовъ, а не поступаетъ на увеличеніе богатства и общаго благоустройства всей Россіи. Итакъ повторяю, не касаясь политической стороны вопроса, слишкомъ сложной и въ рѣшеніи которой я не считаю себя компетентнымъ, для нашихъ фабрикантовъ, рабочихъ и самихъ потребителей въ результатѣ осуществленія предполагаемой автономіи, съ неперемѣннымъ условіемъ отдѣленія отъ Имперіи таможенной чертой, получится лишь увеличеніе поля для русской предприимчивости и промышленной дѣятельности, расширеніе спроса на трудъ и оживленіе всей русской промышленности пропорціонально закрытію тарифомъ польской, или точнѣе (по крайней мѣрѣ частью), иностранной конкуренціи. Наоборотъ, голое признаніе польской автономіи, безъ всякаго вознагражденія и безъ таможеннаго отдѣленія отъ Россіи, означало бы для насъ, русскихъ, большой списанный со счета долгъ, безъ утѣшенія хотя бы чечевичной похлебкой въ уплату за это великодушное пожертвованіе,

и сверхъ того Царство Польское, съ самостоятельной экономической политикой внутри себя, оставалось бы навсегда постоянной угрозой разнообразнымъ экономическимъ интересамъ Россіи, которые навѣрное весьма нерѣдко съ польскими совпадать не будутъ. Вообще, по моему искреннему убѣжденію, даже полное политическое отдѣленіе отъ Россіи Царства Польскаго выгоднѣе и безопаснѣе для насъ экономически, нежели автономія внутри Имперской границы. *Saveant consules!*
